

Смена

Высшая
Библиотека
имени
В. И. Ленина

№ 3
ФЕВРАЛЬ 1942 г.
XIX ГОД ИЗДАНИЯ

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

Партизан Е. Болламантов в разведке. Фото Н. Сазыкина.

БУДНИ ВОЙНЫ

Фото Н. Соловьева.

Кровь патриота

Это произошло с лучшим комсомольцем нашего подразделения — сержантом Прокопием Кирилловичем Азаровым.

Сержант Азаров получил задание — подготовить окопы для боевого охранения. Подразделение Азарова приступило к работе. Сперва заметил противник и открыл по ним ураганный огонь. Отважные бойцы несмотря на сильный обстрел продолжали делать свое дело. Кому-то из бойцов повезло, будто Азаров поблелел и пошатнулся.

— Что с вами, товарищ сержант? — участливо спросил он Азарова.

Комсомольский билет Прокопия Азарова, пробитый вражеской пулей и залитый кровью мужественного советского патриота.

— Ничего, все в порядке, — твердым голосом отвечал сержант и принялся входить с еще большей энергией.

Салперы старались не отставать от своего сержанта. Они работали безустали. Скоро окопы были

готовы, и боевое охранение успешно разило из них врага.

Видя, что попытка запугать салперов не удалась, противник усилил огонь. Вражеская пуля попала в одного бойца группы Азарова. Сержант бережно подхватил раненого товарища и, рискуя жизнью, вынес его.

Тут только бойцы заметили, что их сержант ранен. Он еле держался на ногах. Силы покидали его. На левой стороне груди Азарова расплывалась кровавое пятно.

— Теперь уже Азаров снова среди нас. Он вернулся в строй, такой же горячий, смелый, жизнедеятельный, каким его знали и раньше. Он горит нетерпением сразиться с фашистскими злодеями.

Прия в часть, Азаров подал заявление с просьбой заменить ему комсомольский членский билет № 968841. Он протянул билет — на нем была небольшая сквозная дулевая дыра. Обложка и внутренние листки оказались залитыми кровью.

Это была кровь славного советского патриота.

Пусть этот случай войдет в историю нашего героического комсомола.

Политрук саперной роты

Р. МИЗИНКОВ

Комсорг роты И. МЯЛОФЕЕВ

Фото В. Рудковича.

При преследовании немцев у деревни Ченцы шифер зенитного расчёта комсомолец Николай Плячко победил бравадой вражеский пулемёт. Боец отлично использовал грозное оружие! Меркливо очерченная, выпущенная из немецкого пулемёта, отогнанная комсомольцем сбив вражеский пикетирующий бомбардировщик «Юнкерс-87».

«Боевые подруги» — так называют бойцы бесстрашных девушек-санитарок Елену Радченко (слева) и Клавдию Шаутицу. Под градом вражеских пуль они оказывают первую помощь раненым бойцам и командирам, выносят их с поля боя.

Лиза Шамшикова

Одна за другой взрывались три ракеты. Бойцы поднимались, побежали вперед, и вместе со всеми как-то легко и спокойно побежала Лиза Шамшикова, командир санитарного взвода.

Немецкие автоматчики открыли бешеную пальбу. Смертоносный вражеский шквал пригвоздил к земле нескольких подругиц.

Под градом пуль Лиза Шамшикова перебежала по полю боя от одного раненого к другому, быстро переувлаживала раны, ободрала, помогала переболеть в безоблачное место, отправляла в тыл.

Под утро бой затих. Наши части входили в город, охваченный от немецких оккупантов. Кто-то пошел к Лизе и предложил отдохнуть: она ведь оказала помощь семидесяти шести раненым.

Лиза слабо, чуть болезненно улыбнулась. Усталости она не чувствовала, на душе было радостно: первое боевое испытание она выдержала.

Лиза Шамшикова была стилисткой-историком, она с упоением изучала труды летописцев, когда грянула война. Немного раздумывая, она отложила в сторону книги и конспекты и подала заявление: «Хочу на фронт». Девушку направили на машиновские курсы.

Курсы окончила, Лиза Шамшикова получает назначение в полк. Она санитарка. Потрянувшие дни, наполненные трудом, учебой, походами. Спокойная, деловитая, скромная, чуткая, она всякое завоевала любовь и уважение отподчиненных. Лиза Шамшикова стала командиром санитарного взвода.

Бой у деревни Беседино затонул. Немцы отчаянно защищались. Улицы деревни по несколько раз переходили из рук в руки. Лиза, как обычно, несомыла раненых на своей передовой линии, под огнем вражеских пулеметов.

Но вот фингусты остервенело бросились в атаку.

— Уходите скорее! — услышала Лиза чей-то голос. — Мы отходим на новый рубеж.

Но как она могла уйти? Ведь на своих руках она держала сейчас тяжело раненого бойца. Если она его оставит, — он умрет. А остальные раненные? Они ждут ее помощи.

— Через несколько минут она услышала чужую речь. Словами пригласить вступившую немцев к месту, девушка продолжала свою работу деловито, спокойно.

Офицер толкнул ее носком сапога. Лиза вспыхнула и поднялась.

Офицер что-то хрипло сказал солдатам. Лизу схватили за руки.

— Я санитарка, — по-немецки сказала Лиза. — Раненые нуждаются в моей помощи.

Офицер злобно посмотрел на нее и ничего не ответил.

Лизу поволокли к окопу. Здесь было собрано несколько раненых красноармейцев. Офицер отдал командиру, раненых стали распределять.

Лизу Шамшикову расстреляли последней. И до последнего своего смертного часа а ее чудесных лучистых глазах не было ни страха, ни боли.

Потом немцы атаковали распределенных в сап, обилии его беззвучно и заглохли. Они надеялись, что свет от пожара помешает нашим частям идти в атаку. Напрасно!

Красные воины, позные переводники к последнему врагу, босясь, в яростную штыковую атаку.

В багровом свете пожара бойцы уничтожили фашистов, как уничтожают бешеных собак.

И пламя, в котором сгорела вместе со своими товарищами Лиза Шамшикова, освещало путь победы.

Политрук М. ЧАЧКО

ЛИЗА ЧАЙКИНА

XLIII-207/1

В густых лесах Пеновского района, Калининской области, затерялась маленькая деревушка Руна. Здесь и родилась Лиза Чайкина.

Семья была большая, а рабочих рук мало. Отец вернулся с империалистической войны козачеством. Жиля парализован.

Хлопотали от зари до зари, а земля на нас плохо благодарствовала, словно сердана на нас... вспоминает мать Лиза. Аксинья Прокофьевна. — Все видели: и помню козла и козу голыми. Да кабы только мы так жили: все в деревне один одного бедней была. Куда ни глянешь,— голь перекатная. Потом уж, с колхозами, новое время пришло.

Женщина с типичным лицом русской крестьянки нарочито подает к лицу платок. На ней старенькая дубайка, выгоревшая, рыхлая шаль, мужские башмаки.

— В том и остался,— говорит мать.— Все бандит зарыл. Курей было тридцать две, гусят семь штук, овец, свином. Сейчас ничего не осталось. Коробок отнял еще в лесу: мы из деревни уходили, а он нас поймал. Собрал в кучу. Стали прощаться: думаю, конен придется. А тут разом наши его попервожили.

Мать старик, словно партизана, кустами да балочками в свои шалашники, в лес обратно. Так и хоронились, пока его не выгнали. Всего лишились все, что горбом наживали, порухи, оконьяны. Ну да ладно, навелись товарищи. Ставили окопы.

Нас мы около товарища Сталина—союза колхозо организуем. У меня сейчас только одно удовольствие— побить немаю скорей, выгнать его за границу,— а уж там все будет! Народ у нас в колхозе воспитан, орга-изовался, знает, как работать надо.

Слова и снова мать вспоминает о Лизе. Когда слыши подступают к горлу и остаются в дыхле, замирает сердце, она требует край платка, подает материнское возмездие, и опять течет ее неготоропная речь:

— У меня еще дочка есть, Маша. Она в школу бегать стала, а Лизавичка-то махонькая еще была. В книжку читает: «Мама, ты здесь написано? Мама, пошли меня учиться». Я к учительнице «Привет,— прошу,— уж очень грамоту хочет узнать».

Собрала и Лизавичку, платье новое сшила. Такой она востра была! Маша-то старше, а Лиза ее грамотой забавала. Прибежит, скажет: «Опять у меня «отлично». Вот види, какое дите удалое! — и все! Мне бы сына Шурика такого вырастить — ему двенадцать лет,— как бы было, хорошо!

Маленькой она песни любила, рассказы про деревенскую жизнь. Вывало заиграло наши старые деревенские песни про теплоту, про горь, про судьбу-злодеевку, а Лиза слушает да все спрашивает: «Так ли было, как в песне?» «Было, дочка, еще темней было; солнышко-то светило, да не нам».

Она забьется в угол, плакать начнет. «Что ты, Лизавичка?» Лечет сквозь слезы: «Песня неправдивая».

Такой была Лиза в детстве. Такой сохранилась она в памяти всех, кто ее знал: с пытливым умом, с открытым сердцем.

Окончив четыре класса сельской школы, Лиза начала работать: севла, полола, мила лес, убирала скот; помогала в доме.

Все свободное время отдавала книгам. За несколько верст ходила в соседнюю деревню Залесскую, в избу-читальню.

Так прошло два года. Мать вспоминает: — Стужа была свирепая, мороз, снегом избу занесло. Ночь темная-темная. Ко ны уж клонит, а Лиза вет. Моей-де окликала. «Не видали,— говорит,— сегодня, не забегала». Отец треможился, а я — в слезы. И куда же она может пропать в такую непогод? Вышла в сени, кричу в темь ночью, как в чаще лесную: «Лиза, где же ты, родинька, где же ты, дочка милая, девочка наша быстрожидли?»

Вышла отец, накрыл полушубком, взял за плечи, в горницу отвел. Ламаду жаркой, ствено откинул и угрозами: «Красный огонек,— говорит,— далеко в темноте примет. Может, где заблудилась?»

К ночи вернулась она домой, прямо с лыжками в горницу вошла, из-за паузи книги вынула. «В Залесье,— говорит,— была, книги ездил брать, а там собрание комсомольское, на нем и осталась. Ох, маменька, как там интересно было!»

Это было первое комсомольское собрание в жизни Лизы. На другой день со всеми подробностями она рассказала о нем подруге Норе Барсуковой.

Лиза стала постоянным гостем в комсо-

мольской ячейке и однажды вернулась домой с комсомольским билетом. В Руно она была первой комсомолкой.

О комсомольцах семье слышали много, но реш не всегда шла о ребятах. Однажды отец спросил Лизу:

— Что это такое за комсомол, скажи на милость? Окром билета что он тебе еще дал?

Лиза объясняла, как могла, но отец просить про комсомол «по писанному»: печатное слово вернее.

Тогда Лиза привезла домой тоненькую тетрадку книжку. Это была речь Ленина на Третьем съезде комсомола. Читала ее несколько вечеров. Обычно отец слушал, опершись руками о стол, все время заглядывая в книгу; Нюра садилась у окна; мать иногда отрывалась — то к Шуру, то к самовару.

Лиза читала медленно, усиленно слова, которые казались ей самыми значительными.

«И вот, покосенно, которому теперь 15 лет,— читала Лиза в последний вечер,— и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежи решалл практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую малую-кую, пускай самую простую».

Лиза закрыла книжку. Отец встал.

— Ну-ка,— обратился он к Нюре,— прочти.

— «Лиза»,— прочитала Нюра.

— «Лиза»,— говоришь?

— Ленин,— повторила Нюра.

— Скажи ты на милость!

Отец довернулся к Лизе: «Маша».

— Я человек темный и про нашу комсомол мало знаю. Ну, толь-ко уж раз запалась,— делай так, как товарищ Ленин требует: он ари скажет.

— Ну, а ты, Нюра, поделен в комсомол?—спросила Лиза подругу, когда наконец улеглась спать.

— Пойду. Вот только что дом сходил?

В следующий воскресный день подруги ушли на собрание вместе. А четыре месяца спустя, в июле 1933 года, в Нору уехала из Залесья, безмерно завернув в мосты, нарочно для этого приписанный платок серенькую книжечку с сплутком, знакомым во всех странах мира.

С этого лета жизнь в Руно стала значительней. Что-то новое, на первый взгляд неумолимое, теоретическое, в избыток колхозников, Выбрана свободные минуты, Лиза доставала газету:

— Послушай,— мама, как люди живут, что и где делается.

Девушка вымывала для чтения свое доходящее. Газета сообщала о новых стройках, о больших доходах украинским, белорусским, саратовским колхозникам. Лиза читала об этом так, словно эти стройки равнерчивались в родном Пенновском районе, словно в уголкам всех колхозов она предлог жила свою жизнь.

— Смотри, мама,— возбужденно говорила она— какая жизнь, становилась Лиза все скорей поставкой выводить, пропалло платить. Мы всем, а ты только к мужикам, да скажи: «Видите, как да все власть становится, дайните и мы ее организуем». Я, баба старая, уме и здем вымывала в нагод, а вы за мной тинитесь, помогать власти надо».

Бессмертная героиня советского народа — комсомолка-партизанка Лиза Чайкина.

В тысячах листовок, изображенных в этой книге, было рассказано о героическом подвиге Лизы Чайкиной.

И в сотен трудей зарылось едкое:

Лиза, Лиза, добивалась зарод!
 Немцы подошли все ближе. Лиза собирала партизанский отряд. Григорьева, Зуева, Владыкина, Тихомиров—всего шестнадцать человек—решили уходить в лес.

Еще до войны в Пензу приехал Николай Григорьев. Он ушел в Ленинград, в Горком института, но канцеляры всегда проводила в родных местах. Война задержала его, и когда немцы подошли к району, он тоже решил уйти в партизаны. Вместе с ним уехали в отряд брат-школьник Владимир, сестра Нина—педагог—и старик-отец Леонид Григорьев.

— Семей жить,—сказал отец,—семей и воевать будем.
 Накануне прихода немцев Лиза зашла в рощу до деревни. Побила она в доме лишь несколько минут и попрощалась мать вместе дойти до пристани.

— Вот, маме: может быть, в последний раз и идем вместе.

— Что ты, Лизанька!—испуганно прошептала мать.—Разве можно такие слова говорить?

— В партизаны я уйду. Может, погибну. Да ведь не одна я такая. Но народ наш выстоит, все паренство, а на фашетов работать не будет. Ты не беспокойся: плохое со мной случится—тебя ни власть, ни народ не забудет. Только знай: если услышишь, убил ты меня или поймали, не говори ничего, не признавайся, а то весь колхоз спалит.

Мать ни о чем не расспрашивала: знала, что это—шпионка.

Заледял край неба: наступил рассвет. Капли росы блестяще сложились. Лиза остановилась, вступила за плечи вешней мехом и приваляла мать к своей груди. По старому обычаю, широким крестом осенела старуха свое дитя, смакнула рукой набжевание слезы, и Лиза ушла, унося с собой материнское благословение.

Начались новая жизнь, новые заботы.
 Хотя отряд и готовился, но всего не предусмотрели. Оказалось, что недостает продуктов, мало вооружения, у многих не было никакого боевого опыта. Но никто не падал духом.

— Позовем — всего назовем,—говорил командир отряда Фидимович.—Самое главное—держаться крепко, уметь, завтрашний день выжить, перенести не терять. Трудностей будет очень много. Кто слабее, признавайся—держатся не будем.

Слабых не оказалось.
 В глубоком лесу Фидимович остановил отряд. Пару несколько землянок, в одной из

них устроили радио. Радистами были комсомольцы Ласточкин, Яковлев и беспартийная колхозница Беляева. Им помогала Лена Володина. Перед войной они обучались радиостанции, но в основном занимались ремонтом.

III

Самому молодому партизану, Васе Тихомирову, было пятнадцать лет, но лучшего разведчика отряд не желал.

В светлую, свежую ночь Лиза и Вася отправилась в разведку. Вышли на лесу и увидели горизонт, охваченный пламенем.

— Головою горит,—сказал, Вася.— А там Замитино, а там, дальше, Торопец.

Повсюду виднелись следы войны: обломки стальных грузовиков, побитых танков, разоруженные снаряды земли, выжженные поля, разрушенные дома.

Послышал шум моторов: шли немецкие танки. Разведчики выгнули в ложину и оттуда обратно в лесную чащу.

— Беги в отряд!—шептала Лиза, отставив кобуру.

Шум приближался. Трясаясь, проскочил и скрылся в облаке пыли мотоциклист. Показались второй, третий, четвертый. Слова вернулись мотоциклист, что-то доложил, и колонна свернула с дороги в лесокосную траву. Солдаты вылезли из люков, заглушили моторы.

Лиза в первый раз увидела близко немцев и сама удивилась: у нее не было чувства волнения. Жадно разглядывала она нашинки, стараясь определить командиров; провора себя, несколько раз пересчитывала солдат. А они, как видно, равнозначны на отряд: из тех, кто вылезали из люков, солдаты, одетые, подучка; для офицера постелили прямо на траве салфетку. Она, длинный, с косыми плечами, сбросил с себя мундир, рубашку, повязал на плечо полотенце и отправился с пешачей отмычкой на реку.

Полкочет,—услышала в этот момент девушка голос Васи,

Оставая его наблюдать, Лиза поволяла дальше, в лес, а, когда, оглянувшись, решила, что ее не видно, появилась, сбросила шапку и, ровно взявшаи руками, побоялась так же, как и Лиза, вылезла на суходол. Наступил минут—и она уже снова ползла к вынску, буюно разрозненному на высоком берегу реки. Прямо напротив ее сидел и интриговало курил дольговзрос офицер в полотных трусиках.

И вдруг в мертвой утренней тишине раздались взрывы, выстрелы, загудели снова моторы, затрещал мотоцикл: партизаны дали первый бой врагу. Отвыкнувшаи широкою, офицер вскочил. Почти не сделав, Лиза выстрелила раз другой. Немцы продолжали на месте словно от ознога, делая несколько шагов и опрокинулось навзничь.

Через несколько часов партизаны распределили захваченное оружие. Долго спорили, кто сделал почин в истреблении закатынчик, а потом единодушно решили: Лиза. Так, раньше чем ожидал отряд, началось его боевое житье.

Во всех деревнях партизаны встречали поддержку, всюду у них были свои люди. Расположение отряда тщательно скрывали, но народ знал, чья рука пукает под откос поезда, устраивает засады, подкрадывает машины, авто-транспорт. Немедленно путями пищи к партизанам доставляли, отовсюду им помогали продуктами. Колхозники соседних деревень шили сумки, из Занепренского сельсовета прислали ошивальщиц, мешков муки, из райцентра—крупу, масло, сахар.

Однжды комсомольцы отправились за мясом. Зашли в деревню. В ней на окраине остановились немцы. Робота начали распространять встревоженное ни колхозника.

Да чего вы меня, темного, пугаете?—отмахивался Борух.—Откуда я знаю? Я знаю, где партизаны. Им народ темный, нам лишь бы хлеба да земляны, а остальное сами решайте. Вам виднее: вы газеты читаете.

Но когда старик убеждался, что ребята—свой народ, комсомольцы, он спустился в погреб и начал высасывать оттуда крупные курысы мяса.

— Да вы уж берите,—ворчал он с испугливой суровостью—для вас готово. Для немцев довольно шпыленка—и того не дадим.

Вскоре даже спокойная Лиза пережила много тяжелых волнений. Это было в последних числах октября. Комсомольцы Фокин, Зуев и Владыкина ночью пошли в разведку. Пошли—и пропали. Три дня от них не было никаких известий. Комсомольцы ходили сумрачные. И уже когда было решено послать вторую группу, Зуева и Владыкина вернулись. Все объяснилось просто: немцы их захватили, доставили уездом уйти, а Фокин остался. Что с ним, не знали.

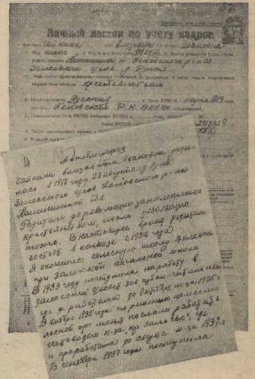
Лиза озабочалась: Фокин был нардедом примодушный, храбрый комсомолец.

Через месяц после начала лесной жизни решили созвать собрание. Командир коротко доложил о боевой работе. Не было оружия—пришлось вооружиться трофеями. Собираю астр-автоматы, пудеметы, минометы и даже два орудия. Что делают? Об этом знают сами партизаны: были враги, отрезали ему путь, налетали на немецкие колонны, уничтожили озова ста автомашин с военными грузами, в том числе одну штабную, отбили обо с продовольствием.

После собрания молодежь собралась вокруг Лизы. Слабый огонь ошесал обветренные, грубые лица. Это были уже другие люди—возмужавшие, отвыкшие от домашней обстановки. Для себя Лиза отметила любопытный штрих: когда она входила к комсомольцам, все вставало и старший отдавал рапорт, хотя Лиза была в отряде рядовым бойцом и никто не говорил, что секретеру она докладывала. «Бытие определяет сознание»,—вспомнила Лиза фрау из книги.

— Сном,—сказала в тишине чай-то голос. Затанул вологодско «Ермак». Пели медленно, словно стараясь поодалье расшутить любимую старую песню.

А на другой день снова продолжалась партизанская жизнь. Лиза была в разведку, возвращалась иногда с удачей, иногда неудачно; отправлялись на операции; кропотливо, домыто готовились к зиме. Все делалось похитро, основательно, словно люди всю жизнь не делали ничего другого, как партизанить в лесах.

Документы из личного дела секретаря Пензенского райкома комсомола Лизы Чайкиной.

В середине ноября Лизу позвал начальник отряда. Он протянул ей маленькую брошюру. Это был доклад товарища Сталина о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Лиза прислонилась к стене и прочитала брошюру раз, другой, третий. Ей не надо было напрягать память: слова запомнились сами, открылись новой надеждой. Она ослепла — кругом стояли партизаны, у каждого в руках была маленькая книжечка. Заговорил один, другой — и стихаю вырос митинг. В холодном осеннем воздухе прозвучало, как кличка: «Смерть немцам оккупантам!»

Партизаны решили рассказать о докладе волею народу, оставшемуся в деревнях, довести ставинские слова до каждого.

— Ступай докладчиком, — сказал Филимонов Лизе. — Слышишь по раскату. Если будешь опасаться, — уходи.

В тот же день, оставая в отряде оружие, девушка отправилась в район.

Она приехала в колхозы. Тихо, словно себе намерло, Курды из зайчешек — молчаливые женщины, истонченные, как сухие ветки, и молодые бойцы: серые куртки из сивардов, разбитые в щепы деревни, сожженные дома. И всюду суровое дыхание смертельной борьбы советских людей против немецких захватчиков.

День за днем шагала Лиза по мокрым коленам проселкам. В каждой деревне, где она появлялась, а там ее было — двух часов собирался народ. Ни председатели, ни секретари не выбирали. Лиза брала слово и рассказывала о докладе товарища Сталина.

— Немцы, — говорила Лиза, — это как ранний снег: скоро растают.

Девушка подробно рассказывала о том, что видели в районе, в соседних деревнях, о бесчестных германских мародерах, об их злостности.

— Верьте, — звучал ее страстный, убежденный голос, — не сегодня — завтра придет к нам Красная Армия, прогонит и переберет всех немецких солдат, освободит наши колхозы от фашистского гнета. Бейте, жгите немцев, не давайте им никаких продуктов, помогайте нашим партизанам! Становитесь под знамя Ленина — Сталина! Все боритесь с врагом, не жалея жизни. Не хозяйничать фашистам на советской земле!

Со слезами радости провозглади колхозники отянувшую девушку. Они верили ее словам, они встали в ней посланца партии, советской власти, потому что знали всю ее жизнь, знали ее родных, ее детство, юность. Они верили Лизе.

Через несколько дней девушка добралась до Великопольского сельсовета.

Как и везде, в сельсовете нашлись друзья. В деревне она подошла к доске объявлений. На большом листе бумаги была написана приписка. В нем указывалась фамилия командира партизанского отряда. Великий, героический да же, указавший место нахождения командира, получает пять тысяч марок, дом с усадьбой и корову.

— Немцы сюда не показываются, — рассказывали ребята. — Только иной раз заявятся с танками, нагадят — и обратно.

— Почему?

— Партизанов шагу не дают ступить, так их моят, так все на свете забывают!

— А кто у партизан командир?

— Да не знаем. Видела: немцы за него награду уже обещали.

Через самых надежных Лиза решила установить связь с новым партизанским отрядом. И здесь ее ждала неожиданная радость: нашлся Фокин. Покаян к немцам, он много перетерел: его пытали, избивали. По дороге в немецкий штаб Фокин сумел убежать и организовал новый отряд. Его-то и боялись немцы.

Лиза просталась с ребятами и пошла дальше. Так продолжался она в пятидесятый осенний. Всплыв она передавала народу слова товарища Сталина. И всюду эти слова поднимали новый дух борьбы: чаще взрывались фашистские транспортеры, неизвестно куда исчезали толые кабели проводов, после ночевки несмотря на усиленную охрану вдруг отключались работы карьераторов.

22 ноября Лиза провела собрание в селе имени Жуковке и отправилась отсюда на хутор Красное Покатиче, к своей старой подруге Марусе Курноровой.

На хутор Лиза пришла к вечеру. И в тот момент, когда она входила в дом, Тамовей Колосов, блондин кулак, не одеваясь, побежал в немецкий штаб.

— Пришла, — зоровато шепнул он.

Мягкая с эссенскими понеслась к Красному Покатичу. Без стука ворвалась в дом.

— Где дочь? — с порога крикнул офицер ступеньки Курноровой.

Мать развела руками, удивленно оглядывая солдат. Гранул выстрел — женщина упала, обливаясь кровью.

Вскрикнул и бросился на палача двенадцатилетний Коля. Снова выстрел — и мальчик упал возле матери.

— Собаки проклятые, что делаете? — не видоверя, аскрикнула Маруся и плюнула в лицо офицеру.

Он князнул — девушку схватили, вывели на двор.

Лизу оставили в одной рубашке и босу рогали в Пену. Когда тронулись, запылали дом Курноровых.

Тяжело, вол кровь жгит. Но что сделает безоружная против вооруженной банды? Темно, дороги не видно. Когда нога ступает на острые камни, по всему телу бежит нестерпимая боль. Коленочек рухну. Во рту все пересохло. Лиза шла молча. Пришли в штаб.

— Ты партизанка?

— Сталинская молодежь?

Молчанье.

Солдаты бьют друг друга по ногам, рукам, спине.

Молчанье.

— Где твой товарищ? Кто тебя послал?

— Смерть вам, проклятым! — сказала Лиза и плюнула в лицо офицеру.

Лизу повели к вожакам на расстрел.

— Эй, кто знает эту девочку? Не она ли командир? — обратился немецкий офицер к жемпнам.

Все молчали.

— Скажи, где находится партизанский штаб, — остреньким жем, — слышишь, предложил офицер.

Лиза ответила полным страстной ненависти взглядом.

— Может быть, ты не партизанка?

Из толпы вышла женщина. Это была Аришка Круглова, как всегда, пьяная. Немцы пригнали ее сюда, Аришка плюнула к Лизе: — Это и есть партизанка, первая комсомолка.

Офицер подал команду.

— Я готова. Стреляйте, палачи! — крикнула Лиза.

Прогрели выстрелы. Солдаты стреляли над головами девушек.

— Смерть немцам оккупантам! — воскликнула комсомолка.

Выстрелы. Лиза взмахнула рукой: — Я погибла за победу, за нашу партию, за Сталина!

Снова выстрелы — Лиза упала на свежий снег, обгарила его своей кровью, потом приподнялась.

— Эй родина, за народ! — воскликнула она слабым голосом.

Огибела Лиза отряд узнал в этот же день. В лесной землянке был поднялся приговор кулаку Колосову, его сыну, Аришке Кругловой.

Ночью весь отряд вышел в путь.

Два утра в разных местах района запылали одиннадцатые деревни, в которых заселились фашисты. Молодые партизаны, которых возглавляли товарищи К и Сапа В, направились к дому Колосовых. Предатели захватили жильем, привели в лес и расстреляли.

Прошло несколько дней. Однажды в безлюдную зимнюю ночь к дому Кругловой подошли несколько человек. Один из них тихо пестучка в окошко.

— Кто там?

— Свой.

Круглова испугалась пришедших, но взглянула на них, побледила, обернулась.

— Толбушкин мой, родимый, не знаешь! По глупости ты дурачок своей проболелости. Вся была буря, но мне не удалось все вас расстрелять по именам, только озябли не дышат! — бормотала предательница, ползая у ног партизана.

— Выходи!

Предательница пыталась закричать. Ее заткнули глотку, вывели на соседнюю физкультурную площадку. Утром здесь увидели труп шпика.

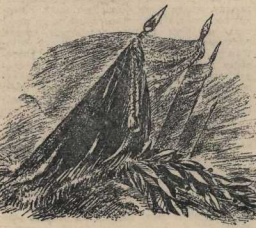
Семнадцать дней партизаны безуспешно пытались унести труп Лизы. Немцы, испуганные пожарами, расстрелом Колосовых и Кругловой, усилили охрану, увеличили карательные отряды, беспощадно расправлялись с населением. И все-таки на восемнадцатый день труп Лизы исчез.

Партизаны унесли тело народной героини в лес и похоронили ее в сосновом посадении. Мать о Лизе думала из дома в дом. Из сел, деревень к месту расправы являлись Лизой или женщинами, которые никогда ее даже не видели — или, чтобы отвести последний глоток народной героини, становились ее царю, поцеловать землю, которую она обгарила своей кровью.

Красная Армия выбила врагов из Пеносовского района. Бойцы Красной Армии гонят их на запад.

Идут боины, снимают шапку у могилы народной героини, останавливаются и кланутся бороться и победить.

Пройдут многие и многие годы, зарастут чертополохом в бурьяном могилы предатели, — разведет змеи когти солдат немецкой грабобанды. Снова зацветет наша советская земля, снова вернется в дома советские люди, снова придет счастливая жизнь, мир и покой. И всюду, по всей нашей стране с глубокой любовью и великим уважением будут вспоминать жизнь и смерть героической комсомолки Елизаветы Ивановны Чайниковой. Как не мерзнет сердце, так никогда не померзнет слава первой дочери советского народа.

БЛИЗОК ЧАС РАСПЛАТЫ

Советская Белоруссия была равной среди равных в создании братских республик Советского Союза.

Под руководством партии большевиков востроил белорусский народ социалистическую экономику и культуру, мощную промышленность, новую энергетику, передовое колхозное сельское хозяйство, десятки вузов и тысячи школ, дворцы культуры и библиотеки.

Белорусской молодежи были открыты все пути — в государственный университет и на любой оснащенный первоклассной техникой завод, в сельскохозяйственную академию и в библиотеки, хранящие миллионы книг, к штурвалу самолета и рулю трактора.

Что привнесла немецко-фашистские оккупанты белорусскому народу, белорусской молодежи?

Крупнейшие города Белоруссии сожжены и уничтожены. Сотни фашистских бомбардировщиков день и ночь бомбили Минск, превратив его в гору развалин. Брест был в упор расстрелян фашистской артиллерией. Гомель и Витебск выжжены дотла. Уничтожены Барановичи, Рогачев, Жлобин, Борисов, Шклов, Волковыск, Гродно, Акушев, Гродзе и много других цветущих городов и сел Белоруссии.

В огне пожаров, от бомб, от пуль и ножа фашистских палачей погибли многие тысячи мирных людей — старики, женщины, дети. Погибли в городах, селах и на дорогах, по которым они уходили в глубь страны, спасаясь от оккупантов.

На это было только начало. Оккупировав Белоруссию, фашисты принялись расстрелять людей методичеки, изо дня в день.

Это включено в кровавую программу Гитлера — уничтожение великого славянского народа, его культуры, искусства, традиций и обычаев. Там, где прошли гитлеровские полчища, все предано огню и мечу.

Больше полутора хозяйничают гитлеровцы в Белоруссии — и не осталось там ни одного села и деревни, где не было бы десятков и сотен замученных, расстрелянных, повешенных советских людей.

В Дрогичинском районе, Западной Белоруссии, немцы согнали в деревню Сенники десяти пятьдесят колхозников, заставили их рыть пятьдесят колхозников, расстреляли из пулеметов.

В Ельске, Полесской области, фашисты целую неделю продержали голодными на

барже пятьсот женщин и детей, а затем баржу с людьми потопили в реке Припять.

Богатейший в Белоруссии колхоз имени Белорусского военного округа, в Лубыньском районе, фашисты сожгли дотла, места за боевую деятельность партизан. Людей не выпустили из горящих домов. Детей, которых спасли колхозники, фашистские каратели живыми бросили в огонь.

Страшно слышать, страшно читать о тех муках, изощренных жестокостях, гнусных издевательствах, которым подвергают оккупанты самых беззащитных — женщин и детей.

Деревня Наржи, Черевковского района. Тут были изнасилованы шесть женщин, каждую насиловали десять — двенадцать фашистских зверей, потерявших человеческий облик. После этого женщины расстреляли.

Деревня Холбы, Климовичского района. Немцы схватили нескольких четырнадцати — пятнадцатилетних девочек, изнасиловали их в лесу, а потом выкололи глаза, отрезали им уши и убий. Девушку-комсомолку разорвали на части, привязав ее к двум деревьям.

В Гомеле затащили в Ново-Белезицкий лес восемь девушек-работниц, изнасиловали, затем расстреляли. После распустили по городу провокационную листовку: «Граждане, не ходите в лес! преступники-партизаны насмываются на женщин и грабят».

В деревне Костровка, Кричевского района, к дому колхозницы Дрегулиной подкатили автомашину. Офицер с двумя солдатами зашли в дом. Они вытаскили все вещи, оставили голые стены. Дрегулина стала просить оставить хотя бы корову, чтобы четверо малых детей не умерли с голоду. Офицер со всей силой ударил Дрегулину по лицу. Женщина закричала. Немцы закололи ее штыками, бросили в погреб вместе с живыми детьми и погреб засыпали землей.

Население города Турова оккупанты истребили почти поголовно. Город разграбили, семьи советских активистов перебили (к числу «активистов» были причислены и члены профколов), грудных детей фашистские каратели бросили в Припять.

В деревни Стодунь, Немки, Скачек, Рुरु, Светлического района, немецкие грабители ворвались с подводами, перестреляли с хохотом и свистом свиней, коров, гусей, кур, уток, увезли все, даже детские ботинки, даже спички, ложки, вилки, нитки. «Недо-

вольных», будь то глубокий старик, будь то малый ребенок, расстреливали на месте.

А кровавые расправы с еврейским населением!

В Пинске фашисты только с 3 по 12 августа 1941 года расстреляли до десяти тысяч евреев — всех с десятилетнего возраста. Сначала предложили «зарегистрироваться для направления на работу». Приведших зарегистрировавшихся вывели за город. Там их заставили копать рвы, прямо у рвов они и были убиты. Имущество евреев было разграблено.

В Минске, по рассказам очевидцев, расстреляно до пятидесяти тысяч евреев, в Могилеве — до двадцати четырех тысяч, в Шклове — до восьми тысяч.

В Лельчицком, Полесской области, немцы собрали еврейских женщин и детвору — около восьмисот пятидесяти человек. Пятьдесят молодых девушек отогнали, изнасиловали в лесу, выкололи глаза, изуродовали и убили. Остальных расстреляли из пулеметов. Детей закапывали живыми.

Стоном стонет белорусская земля. Черный дым поднимается над развалинами обугленных домов. Изуродованные трупы вывозят на догробах.

В пепел и развалины обращены белорусские города.

Вот местечко Глухое — одно из стариннейших белорусских селений. В Советской Белоруссии Глухое превратилось в районный центр, украсился новыми зданиями, стал больше, светлее, краше, чем во все века своего прежнего существования.

Что стало с Глухим? Последним рассказ очевидца А. Мануйлова.

«Вот что я увидел», — говорит он. — Фабрика «КИМ», электростанция, все мастерские, склады и учреждения разгромлены. Имущество разграблено или уничтожено. Окна и двери в магазинах выбиты. Столовая и клуб сожжены. Хлебобулочная разгромлена. Население местечка голодает. Нет хлеба. Вся жизнь парализована. Ежедневно, особенно вечером, гитлеровские псы раскали по квартирам населения, обшаривали все углки. Последней награбленной фашистские громилы отправляли в Германию. Особенно поправлялись гитлеровские молодчики чашы советского производства — они спрятали их с рук у всех, у кого бы ни увидели. Немцы отбили у населения советские деньги. Грабёж квартир завершился извечными нападками на их обладателей, изнасилованием женщин. Это дела-

Ее звали Клава, Клавдия Ерохина. Ей было двадцать лет. Фашисты расстреляли ее за то, что она была честной советской гитлеровкой, настоящей комсомолкой. Боец, отправляясь в срочные, помни и об этой жестоко оборванной женщине. Ответы за Клаву и за ее людей!

Имена этих женщин нам неизвестны. Самой страшной в мире казней казнили их: что может быть горше страшной матери, на глазах которой убивают ее ребенка. Расстрелянные дети лежат рядом с убитыми матерями. Проклятие фашистским палачам!

ТАМ, ГДЕ ОНИ ПОБЫВАЛИ

«Кто фашистом не выдал, тот горя не знает» — эту поговорку мы услышали в одном из городов, испытавших всю тяжесть нашествия гитлеровских войск. Не все ли равно, как называется этот город: Клин, Калвино, Солнечногорск? Разрушенные мостовые, почерневшие развалины домов, бледные лица жителей — все в этом городе носило следы недавнего пребывания оккупантов, однообразную, страшную печать их жестокого владычества.

У гитлеровцев, этих мастеров разрушения, есть своя система. Они сжигают самые красивые здания. На месте самых зеленых, самых уютных скверов они располагают свои утильы, разграфленные точно по линейке кладбища.

Все лучшее, созданное нашим советским строем, ненавидят гитлеров-

цам — будь то прекрасное здание, построенное нами, будь то чувство гордости и собственного достоинства, воспитанное нашей страной в человеке. Стремление поработить, унижить, превратить человека в раба — вот на чем основан фашистский «порядок».

Они ненавидят нашу культуру, эту варвары, плюнувшие в душу своего народа, унижавшие, обесчестившие в глазах всего мира великий германский народ.

Отвечной ненавистью платят захватчикам наши колхозники, чьи дома обращены в развалины, в черный пепел. Беспощадно мстят и будут мстить им те, чьи близкие замучены, чьи дети убиты, чье поле затоптано и оксвернено.

Страшная месть своре убийц, заливающих мир кровью!

Здесь стояло великолепное здание монастыря «Новый Иерусалим». Жители города Истры по праву гордились этим прекрасным памятником русского зодчества. Фашистские варвары превратили его в руины...

Красноярец Л. РЕШЕТНИКОВ

Не простим!

Нет! Не забудем, не простим
Мы этого рассвета им.
Запомним все: и сад, и дом,
И тень паучью под крылом,
Как зло, терзала землю сталь,
От дыма помутнела даль,
Как закричали корабли
У берегов родной земли,
Как глухо ахнула вода,
Как зашатались города.
Воронки. Стекла. Кирпичи.
И над ребенком мать кричит!
О, этот крик глухой тоски!
От горя белые виски.
Разрытый сад. Разбитый дом.
И тень паучья под крылом.
Нет! Не забудем, не простим
Мы этого рассвета им.
Запомним, как мы поклались
Жестоко мстить за стон земли:
Ни утром, ни в глухой ночи
Не забывать, как мать кричит,
Не видеть дома и семьи,
Не обнимать невест своих,
С винтовок не снимать штывков,
Не вытирать с шинелей кровь,
Пока от села и до Кремля
Свободно не вздохнет земля!

Перед нами одна из восьми фотографий, найденных в кармане убитого немецкого офицера. Достойный представитель «высшей расы» аккуратно заснял все этапы жестокой расправы над безоружными советскими людьми.

«Детей не ждет тепло родного крова...» — писал в своих гневных стихах о войне поэт Алексей Сурков. На снимке — бесприютная, осиротевшая семья: ее дом сожжен гитлеровскими наводными. Глядя на этих освобожденных детей, невольно хочется воскликнуть вместе с поэтом:

Нет! Говори бесцеремонно и бесчестно,
Чем злобней Гитлер — враг моей земли!

Взвод Командира Дубова

С этого номера мы начинаем печатать серию военных очерков подполковника Н. А. Баканова — «Взвод командира Дубова».

Дубов — лицо вымышленное. Однако боевые действия, описанные в очерках, действительно имели место на различных участках Западного фронта. В образе Дубова собраны типичные черты наших смелых молодых командиров, выросших из закалявшихся в бою с немецко-фашистскими захватчиками.

1. По пятам врага

Под ударами наших частей немцы отходили на запад. Они огрызались как бешеные собаки и старались использовать каждый удобный рубчик, чтобы задержать движение наших частей и вывести из-под удара свою живую силу и материальную часть. Боицы взвода Дубова, действуя в составе роты, неутомимо преследовали противника. Взвод вошел в небольшой лес и длинной цепочкой растянулся по узкой лесной дорожке.

Боицы внимательно осматривали каждый кустик, дерево, каждую ложушку: не спрятались ли враг? Внезапно, метра в ста от взвода, двигалось отделение сержанта Толькина. Справа и слева, пробираясь по проселкам, парные дозоры сержанта взвод от внезапного нападения на фланги. Тонкие ряды деревьев и густые, покрытые толстым слоем лишайного синего вета хорошо скрывали бойцов от воздушного наблюдения.

Там, за лесом, лежала деревня С, где еще сидели немцы. Туда и держал свой путь взвод младшего лейтенанта Дубова.

Из отделения Толькина к командиру взвода прибыл связной и доложил:

— Товарищ младший лейтенант, деревня сильно укреплена. Двигаться дальше нельзя.

— А где сержант? — спросил Дубов.

— На опушке леса лежит. Организуется эвакуация.

— Противник нас обнаружил? — Думая, что нет...

— Новиков, — обернулся Дубов к помощнику, — останешься за меня!

Осторожно введи взвод на опушку — там меня найдешь, а я пойду вперед, сам посмотрю.

Спустя несколько минут Дубов был рядом с сержантом.

— Что же это ты пуляешься здесь, движение задерживаешь? — спросил Дубов.

— Да вот, соседняя рота, что

действует левее нас, совсем уже бои подошла к деревне. Ну, и подходулки немцы из пулеметов. Что толку-то в лоб наступать! Я высказал разведчиков той роты дощипать в лес. Если там сумеем пробраться, хорошо бы выйти немцам в тыл и отсюда атаковать их.

Дубов стал внимательно изучать подступы к деревне. Перед самым населенным пунктом тонкими рядами протянулись проволоочная сеть в два кола. Зоркий глаз командира заметил под некоторыми дощками черные щели амбразуры. Время от времени в них появлялись едва заметные вспышки, и через три-четыре секунды до слуха командира доносился сухой

стрекот выстрелов. Это строчили пулеметы и автоматы. Открытость перед шерей была открытая. Совершенно очевидно, что с фронта немцы укрепились очень сильно. Подступы к деревне они надежно прикрыли плотными ружейно-пулеметным огнем. Прав был Толькин: в лоб их не возьмешь. Вся надежда на лес, темнейший справа и уходящий далеко за деревню.

— Пробраться ребята в лес! — обрадованно сообщил Толькин, не спускаявший глаз с разведчиков. — Можно действовать.

— Ну вот и хорошо! — подержал его Дубов. — Быстро снимай отделение и ложной веди в тыл к немцам. Если встретятся фашисты, атакуй смело и во что бы то ни стало пробирайся в лес. Жди меня там у той опушки, — Дубов указал рукой направление. Не теряя ни минуты, вместе со своими бойцами сержант бесшумно спустился в ложину. Дубов остался.

— Взвод прибыл, — неожиданно услыхал он приглушенный голос Новикова. — Бойцы сидят, укрепились окончательно.

— Хорошо, — одобрил командир взвода. — Ты, Новиков, наблюдай за Толькиным. Зуев, ко мне!

Словно из-под земли прозябала фигура Зуева — звеного командира взвода. Он все время лежал тут же, неподдельно, и по первому же оклику Дубова локко, как уж, подползал к командиру вплотную.

— Зуев, слышал разговор с Толькиным?

— Так точно, слышал.

— Все понятно?

— Все как есть.

— Так вот, быстро отправляйся

к ротному командиру и доложи обстановку.

— Ступай, товарищ командир, — молниеносно ответил Зуев. — Приказано отправиться к командиру роты и доложить, что немцы в деревне сильно укрепились. Соседняя рота с фронта действует, а мы решили первую лесом обойти и в тыл ударить.

— Правильно. Только поживей.

Связной моментально скрылся. Дубов обратился к сержанту Новикову:

— Возьми из четвертого отделения троих бойцов с ручным пулеметом и оставайся здесь. Я со взводом проберусь в тыл и атакую немцев. Как только услышишь шум боя, начавший демонстрировать наступление на деревню с фронта. И обязательно свяжись с соседней ротой.

— Понятно! Будет исполнено, — отозвался Новиков.

Дубов отполз в тыл, начал, к дождливанности его взгляда. В лесу он собрал бойцов, коротко объяснил им задачу и повел вперед в ложину, по тому самому пути, по которому следовало отползало отделение Толькина.

Если судить по тому, что разведка обнаружила у немцев, по крайней мере, три пулемета, фашисты были в деревне никак не больше роты. Атаковать целую роту, тем же хорошо укрепившуюся, — операция весьма рискованная. Но на стороне Дубова было одно важное преимущество — скрытность и внезапность.

Немцы всецело были заняты наблюдением за действиями нашей роты, расположенной перед вражеским фронтом. Видимо, никому из них и в голову не приходило, что их могут обойти. Маневр Дубова они не заметили. Отделение, а вслед за ним и взвод совершенно безнаказанно прошли ложину и достигли леса. Враг и не подозревал о грозящей ему опасности.

Только расположившись Новиков на новой позиции, как к нему подпол командир роты.

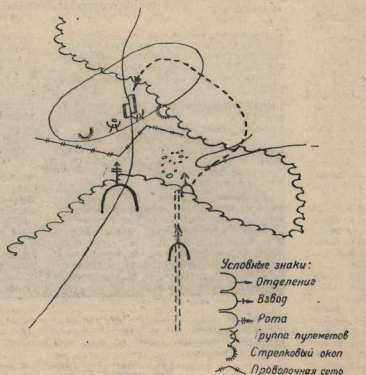
— Ваш связной доложил, что Дубов решил обойти деревню. Куда он пошел взвод? — спросил командир.

— Через эту ложину вои к той опушке леса, — показал рукой Новиков.

— А тебя зачем оставил?

— Чтобы связался с соседней ротой. Кроме того я должен продемонстрировать наступление с фронта, когда Дубов атакует немцев с тыла.

— Хитро придумано, — усмехнулся командир. — Только тут обобщишься и бей тебя. Там ты будешь нужнее. Быстро догоняй взвод и скажи Дубову, что с соседям я сам свяжусь. И еще передай: атака будет общей: вы 2

тыла, второй взвод с флага, а третий должен наступать с фронта. Сигнал для атаки — три красных ракеты.

Новиков повторил приказание и, забрав своих бойцов, отправился догонять аванд.

Дубова сераят догнав уже в лесу. Вышегородо выслушав сообщение Новикова, младший лейтенант замолчал.

— Зорково выйдет! — сказал он, как бы отвечая на собственные мысли. — Не пройдет и часа, как дуло немецкого в деревне не будет.

На процессе показавшаяся вдруг странная процессия: два худых зеленых немца в летних зеленых шинельках, а сзади их шаг боча с винтовкой в руках. Дубова узнал в нем стрелка из отделения Толкина.

— Где захватили? — с интересом спросил Дубова.

— Недалеко от деревни, — ответил зеленый боец. — Трое в шинельках. Ну, наравняли на наше сераято. А он сразу смекнул, который из нас старший, и шпырнул его из-за дерева штыком, а эти мы окружали. Сраку показали френчи руки, не сопротивлялись. Я так думаю, что они даже рады, что в плен попали.

— Веда их в тыл, — сказал Дубова, — да смотри, как бы они с радости не кокнули тебя где-нибудь в узком месте.

— Ну, уж это вряд ли выйдет у них, засмеявшись боец и повел пленных дальше.

Когда Дубова добрался до Толкина, тот был уже на опушке леса и наблюдал за деревней. Деревня еще на валу. Немцы беспечно бродили по улицам. По-

видному, они чувствовали себя в полной безопасности. Несколько сотен деревьев на окраине Дубова на противоположную окраину селения, где находились их укрепления.

— Одного я не пойму, товарищ командир! — проинтервал Толкин Дубову. — С одной стороны немца, зорково укрепился, ничего не скажешь. Как же это он с тыла никакого охранения не выставляет?

— Немцы привыкли по дорогам воевать, — ответил Дубова. — Вот и думаю, что являю, что по дорогам за нами идти будем. Тем более что свет кругом. Им и не надо, как мы и по снегу за милую душу проходим: наш веселый — грешный, промывали. А по весну мороз их догоняет. Все жмуется к жилью. Озавали, отогреться хотят...

— Это верно. Тактика немцев звать их, тогда и бить их, следовательно лучше будет, — согласился Толкин.

Ознакомившись с обстановкой, Дубова вызвал командиров отделений и вместе с ними составил четкий план атаки. Он решил атаковать немцев тремя отделениями, а четвертое оставить запас, на опушке леса, в качестве заслона. Его задача — уничтожить фашистов, которые пытаются убежать в лес, и также стереть дорожку из прорезского тыла, чтобы случае чего противник не мог подобраться в деревню подкреплениям.

Каждому отделению Дубова указал спредельную группу домов, против которой оно должно действовать. План закончился в той, чтобы выбрать отсюда немца, про-

но самим закрепиться и организовать огонь вдоль улиц.

— План я так понимаю, — предупредил Дубова командиров, — Большие все бояться немцы окружения. И если нам удастся атаковать внезапно, то успех боя неизбежен уже сейчас.

По приказу Дубова отделения заняли исходное положение. Командеры развешивали задачу бойцам. Красноречивый дозорщик вынесшая подготовленного гранаты и вперемежку окладил сигнала атаки.

Тем временем командир роты энергично готовился реализовать свой план наступления. Он подкинул огневые средства и неожиданно открыл по деревне сильный огонь из минометов и пулеметов. В тот же миг началась стрельба в направлении деревни. Пушки били по отдельным точкам противника. Высоко в небо вымались три красных ракеты.

На ходу затанцевавшие в стрельне куда поало, немцы выбегали из домов и бежали к своим укреплениям. С фронта уже выступили наши части.

Немцы пытались организовать сопротивление. Из окон домов и из подвалов застрелили пулеметы и автоматчики. Откуда-то из центра деревни по нашим наступающим цепям баял выстрелы. Еще несколько минут, и наступающие роты захлебываются...

...Завидел сигнал, Дубова скомандовал:

— Вперед! За мной, в атаку!

и бросился вперед.

Как снег на голову свалились явны бойцы на немцев с тыла. Толкин в хол гранаты и провалявшиеся процессе штыки. Выбегая

из своих нор, разбегавшиеся от неожиданности и страха фашисты застреливали на улицах здания и выставляли меткие пули и разрывные штыки.

Бойцы отделения Толкина задержали уже три дома. Сераят заставил замолк немецкую пушку. С траты бойцами он смело бросился на огневую позицию и гранатой уничтожил оружейную прислугу.

Так же бестрашно разительно бойцами и другие отделения. Командир другого отделения сераят Терешенко, стиснув зубы, штыком и прикладом уничтожил замолк немецкую пушку. Бойцы третьего отделения во главе с сераятом Жуклом закрепили по обочине дорог и расстрелявали бежавших солдат.

Не выдержали немцы внезапного удара. Многие из них повалило, что пути отхода уже отрезаны. Гитлеровские бандиты в замине забегали по деревне. Несколько москит роты пыталось было с боем прорваться в лес. Тщетно: здесь их подождали бойцы четвертого отделения.

С фронта и с флага бойцы роты ворвались в деревню. Через двадцать минут все было кончено. В деревне не осталось ни одного вражеского солдата. К оставшимся в плен немцам Дубова, по счастливому стечению обстоятельств роты и скомандовал:

— Хорошо действовали, Дубов! Немцы вперекось и ушли. Бойцами взвод. Восточной окраине деревни выдвиг командира батальона. Он приказал срочно к нему явиться. Заване какому-то ответственное задание поручить тебе.

Огонь на скале

Бушует зимний порост. Обжигая, он пронизывает тело. В гавани пред прибой, покрывая все остальные звуки бурного приморского города. На молу и причальных сопках намерзает ледяные корки. На фоне потемневшей, буршеющей поверхности моря белуют облачения, покрывающие мохитам инем корабля. Ветер с силой прижимает их к пирсам — и тогда слышится пронзительный, рвущий за душу скрип. К вечеру на минорное закончился погудка десанта на бумбу, мы с трудом поднялись по обледеневшему трапу на командирский мостик. В меховых бушлатах, с липами, укрытыми до самых глаз, несди боюую захату краснорыбцы.

Корабль содрогался от могучих ударов волны. Порой казалось, что кто-то невидимый, методично раскачивая, старается сокрушить его тараном. Вверху уже обычно-то сверзали звезды, но с мостика не было видно ни кормы, ни носа кормы, ни окон, плотная ледена испарений клубясь стремительно пронорвалась над бушующим морем. К полуночи мы были уже далеко от берегов.

Далее начиналась территория, занятая противником. Нигде не было видно отрядных для сердца моряка, заветных маячных огней. Но корабль уверенно шел вперед.

Командир и штурман, ни разу не покидая бжевой рубки, озабоченно и молчаливо гляделись. Смутные очертания берега, на котором были враги. Глаза их, индимо, чего-то искали. В одну из таких минут штурман первым нарушил молчание. Он взволнованно прозвонил все сразу одно слово — «Горы!».

Присмотревшись, мы не сразу разгадали далеко в полумраке ночи минаторный светящийся огонек, похожий на свет карманного электрического фонарика.

«Горы!» — повторил за штурманом командир.

Потом он задумчиво спросил, ни к кому не обращаясь:

— Родные, где-то они теперь?.. И мы услышали волнующий рассказ о двух отрядных молодых лейтенантах-гидрографов чьими руками был захвачен меркнущий свет, который струится теперь в ночной мгле.

Готовилась деркая и героическая операция по высадке десанта. Военные корабли и транспорты били уже готовы под покровом ночи покинуть гавань. Необходимо было на пути их следования установить ориентирный огонь на берегу, занятом фашистами. Эту нелегкую задачу, сопряженную с риском для жизни, взялись выполнять молодые ученые, недавно окончившие гидрографическое училище, — Демьян Выжүүл и Владимир Мослан.

Море штормовало, когда отрядные гидрографы вышли на корыбе в опасный путь. Местом своей высадки они избрали однуую скалу, отстоящую от берега на несколько километров. Высо-

та ее достигала двадцати трех метров. Правда, в бурную погоду подняти к этому утесу было очень опасно. Но подняти к нему было нужно, так операция обеспечена бы успехом десанта.

На воду ступил спускник небольшого шлюпка — стунус. Выжүүл и Мослан погрузили в нее нужное оборудование. О запуске проволочетельного троса было и думать. Перерывший стунус немо бы бойта ко дну. Для облегчения шлюпка гидрографам пришлось оставить на корабле даже свое шнели.

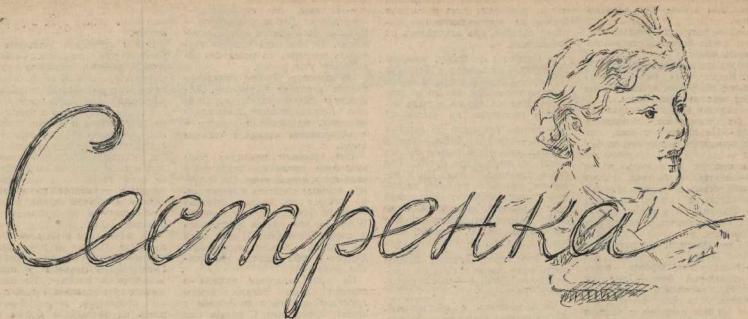
Продолевав шторм, молодые ученые стали грести к скале. С корабля возновляно следил за удаляющейся шлюпкой. Казалось, что она вот-вот опрокнется. Но храбрый утес скользил по гребню зимней волны. Выход было очевиден: закончив добравшись к подножью вертикального каменного утеса и по-альпинистски, крепя штурм-трап, начали карабкаться с тяжелой аппаратурой на плечах к его вершике.

В этот момент низко над морем показалась немецкая бомбардировщик. Он открыл огонь из пулемета по кораблю и скале. Когда над морем ступилась сумерки, с вершины скалы уже струился ровный голубоватый свет.

Ни шлюпки, ни людей нигде не удалось обнаружить. Видимо, они, выполнив задание, на том же самом стунусе ушли к берегу. Никто не знает, удались ли им добраться до родной земли. Но какая бы судьба их ни постигла, моряки, прощая ночью на корабль мимо скалы, с благодарностью вспоминают о двух храбрцах, заставивших путеводный огонь на одной скале близ берега, выжүүл и Мослан.

И. НАГАНОВ, Н. ЗОТОВ

Действующий флаг.

РАССКАЗ

Он лежал на лесной прогалине и все еще бредил атакой.

— Я тебе покажу, гадина! — встал он обстреливающимся, черными губами. — Не уйдешь!

Санитарка быстро сделала свое дело. Она оттащила его к кустам, и трава в том месте, где они проковыляла, стала глянцевой, глянцой, как после инея.

— Потерни, товарищ, не надо кричать, — настойчиво и мягко просила девушка.

— Гадина, — все тише и тише повторял раненый, и тяжелые кулаки его медленно распустились, по острым скулам поползли бледные пятна.

Девушка встала на колени, всмотрелась в его лицо и ощутила губами зрелость, горькое дыхание.

Пинцетом она разрекла голенище левого сапога. Сладковатый липкий запах крови и пота стеснил ее дыхание. Это было новое ощущение, и она на мгновение закрыла глаза. Она перестала даже дышать: так сильно пахла кровь.

Но руки попрежнему ощущали густую теплоту, и она открыла глаза. Она преодолела тошноту, поджатым языком к горлу, и бережно обследовала раздробленную ногу от голенища отрезав штанину повязке колена, девушка резиновым жгутом перетянула ногу и оставила кровотечение.

Отрезав штанину повязке колена, девушка резиновым жгутом перетянула ногу и оставила кровотечение. Теперь оставалось закрыть рану. Но, когда она это стала делать, руки отказались ее слушаться. Голубые жилки, подгаивающие в густой крови, притягивали ее взгляд и вызвали головокружение.

— Боишься?

Девушка вздрогнула. Она посмотрела на раненого. Скулатое лицо его было бескровным, и губы казались еще более черными и обстреливающимися. Одни глаза смотрели на девушку спокойно и понимающе. Точно это были глаза совсем другого человека.

— А ты не бойся... — тихо сказал он. — Я уже ничего не чувствую.

И, опустив веки, раненый спросил:

— Ее отнимут? Да?

Девушка не ответила, она быстро закрыла рану.

— Значит, правда? — настойчиво повторил боец.

— Лежи, — сказала девушка. — Я позову врача.

Кнувшись носом в шиную, догорал у носе вражеский танк. Разжаты бои удалялись. Шипели, прихлопывая свист повола на мгновение в воздухе, и лишь спустя минуту — две раздавался сух-ахр дальновобных орудий.

Девушка посмотрела на дорогу, и губы ее задрожали. Бесомощно наля, мчались вражеские мотоциклисты. Она отпрыгнула к кустам.

— Ну вот, — растеряно прошептала девушка. — Ну вот...

За мотоциклистами ползли тяжелые танки. В асфальт впечатались следы широких гусениц. Потом все стало тихо, и только мерный шаг нехоты был слышен за вышибом шоссе.

Девушка долго и внимательно всматривалась в лицо раненого, и нежность, и сострадание, и странная гордость, что вот только от нее одной зависит его жизнь, овладевали ею.

У него было скулатое, некрасивое лицо и неуклюжее, длинное тело. Руки его, распластанные на траве, носили следы боя. Ладони были в мазуе и ссадинах. Девушка посмотрела на свои руки. Мягкая, розовая кожа, прозрачная и бархатистая.

«Война, — подумала девушка. — И такие руки!»

— Ей не поправилась своя рука. Она еще боится смерти, страданий и войны. Наверное, она еще не обрела подлинного мужества, такого, каким владел вот этот человек, подбивший связкой гранат вражеский танк. Может быть, ей и не дано быть такой, как он.

— Товарищ, — сказала девушка, низко наклонясь над лицом раненого, — толщину! Реки бода дружили, но он не открыл глаз.

— Наши отступили.

— Уходи, сестра, — тихо, но настойчиво прошептала боец. — Моя песня спета. Ты еще услышишь.

— Не говори глупостей! — сердясь, сказала девушка.

— Это маневр. Наша стоят по обе стороны шоссе. Она пропустит танки и отрежет их от нехоты. Я знаю.

— Никуда я не пойду.

— Девочка!.. — сказал боец. — И на кой чорт вас сюда только посылают?

— Они помозлали. На его висках, на лбу проступил пот.

— Ну, — сказал он, преодолевая суорогую лиду — ты все здесь?

— Я и не думаю уходить, — плаксиво сказала девушка. — Как же я тебя брошу?

— Дура! — сказал боец и заскрипел зубами.

Через несколько минут он открыл глаза, взгляд их был глубокий и странный.

— Какая ты маленькая... улынулся он одними губами. — Куда мне с тобой?..

От этого можно было заплакать.

— Эх, ты! — сказала девушка. — А еще переживи!

И, сделав суровое лицо, она встала на колени.

— Оставь меня в покое... уже раноодушно сказал раненый. — Все равно тебе меня не утащить.

— Неправда! — чуть не плача, выдохнула девушка. — Сам ты баба!

И, пытаясь от тяжести, она понесла раненого в глубь леса.

Это стояло ей дорого: она чувствовала, как что-то обfliesает внутри, как мутная истома отхватывает все ее тело, как начинает кружиться голова и холодное утреннее солнце становится обжигающим и пыльным солнцем войны.

Бережно опустив бойца на мох, она прикрывает его ветками и, залопатив дорогу по следу на траве, возвращается за оружием.

К широкому поясу она прищелкает гранату и долго всматривается в пустынное шоссе.

Голова у нее кружится. Она прислоняется щекой к шершавой коре березы и закрывает глаза. Она чувствует, как земля медленно уходит из-под ног...

Она опускается на траву, и холодок земли рдеет ее. Девушка плачет, сама не замечая этого. Плечи ее вздрагивают, и винтовка с оптическим прицелом выскальзывает из рук. Потом это странное состояние проходит. И, хотя мир небо, трава, солнце попрежнему качаются перед ее взглядом, она встает.

«Боец спит. Над лесом летят «Мессершмитты». Они глухо урчат от боевого напряжения. Этот астматический гул будит раненого.

— Дай мне автомат, — просит он.

— Отдайшь, — говорит девушка, — там ядуть по шоссе.

— У меня хватит силы, — говорит боец.

— Они все равно высоко, — отвечает девушка.

Голова ее кружится. Проклятое состояние! Ночью она спала на земле и, оневидя, простыла. Вот к чему приводит легкомыслие! Она болела, никогда не будет бравировать своим здоровьем.

Но самолеты летят все-таки низко. Она поднимает автомат.

— Не веди, — говорит боец, — мне показалось, что я смогу стрелять.

Он долго молчит и шевелит губами. Он дрожит в мелком ознобе.

— Какой холодный! — говорит он. — А ведь еще не осень.

Это от ног.

— Мне же совсем не больно.

— Это ничего не значит. Скоро опять будет больно.

— Ну и зорт с ней! — говорит боец. — Теперь мне все равно. Все равно ее придется отрезать по локоть.

— Надо верить, что этого не будет.

— Боец пристально смотрит на девушку, улыбается устало: — А ты настоящий врач: ты боишься сказать правду.

Девушка снимает шинель и укутывает бойца.

Вечер не приносит им утешения. Она вынимает из пенного котелочка записки глетки и бинует с консервами, вскрывает ее шпиком и подвигает к бойцу:

— Подкрепись, товарищ!

И, повернув его на бок, чтобы было удобнее, она поддерживает его левой рукой и кормит с ложки.

— Завтра ты будешь в госпитале, и все будет хорошо.

— А ночь?

— Ты возьми эту ночь. Мы подождем наступления наших.

Раненый медленно ест. На своем скрутке его появляется румянец.

— Такая уж не заплачет! — смеется боец. — Нет! Она даже не поверит, что меня ранили наомаши. Так, скажет, паранила какая-нибудь.

— Не надо об этом думать, — говорит девушка.

— А я и не думаю; я просто знаю. Только мне обидно, что эта гадина все-таки ударила.

Боец молчит, опускается наванич. Он видит вечернее небо, и в его глазах отражаются темная облака и ветка осины.

— Скоро уж осень, — со странной грустью говорит он. — Наши сейчас уже молят рожь, а Никита, наверное, по салу расхаживает.

Мечтает.

— А кто этот Никита? — не понимает девушка.

— Садовод наш. На Урале. Он горбатый у нас. С детства.

О чем же он может мечтать?

Боец вынимает пачку проскуры, ложкой рукой и закутывает. Он отвечает медленно и тихо:

— О чем мечтаешь? О своих автоносовых яблочках, о жизни, о себе. И больше всего о яблоках. Такой уж он странний.

— Ты тоже странний.

Девушка смотрит внимательно и нежно. Этот пристальный взгляд смущает бойца. Он видит сейчас перед собой не товарища на войне, а девушку, так беззащитно сердечно она глядит на него.

— Я вовсе не странний, — говорит он, стараясь сниходятельно улыбнуться. — Только война коварна для меня. Теперь остались госпиталь, санитарный поезд... Ничего у и больше такого не увижу.

— Если бы ты нашел в себе силы не верить этому! — говорит девушка. — Ведь пока никто не потеряно.

— Давай не будем об этом говорить, — сказал раненый и закрыл глаза.

«Заснуть бы. Крепко. Надолго. И проснуться в госпитале», — подумал он и постарался заснуть.

Нога жгла. Он чувствовал, как зудит подошва, как ее хочется почесать.

«Почему она зудит? Ведь она сухожилия сдвигают голень со ступней».

— Посмотри на шоссе: может, что-нибудь там есть.

Девушка поднялась и какой-то странной, разбитой походкой пошла к шоссе.

Роса уже вновь лежала на листьях осинника. Копелька ее покрывала ворсинки на шинели. Запахло грибами и прелья. Сладкий, чуть дурманящий запах осени.

Потом показалась луна. Смутная в вечернем тумане.

— Ничего там нет, — сказала девушка.

Он вновь закрыл глаза и ничего не ответил.

Девушка покрывала его своей шинелью и села рядом. Она посмотрела на луну и вздохнула. Тяжело ей достается эта ночь.

Прогимный озноб начинает наполнять ее тело. Гимнастера не греет. Спит боец тяжело и большим сном. Тубы его шевелится, лицо сереет, и дихородные пятна болезни проступили на щеках.

«Скоро он будет бредить», — думает девушка.

— Ушел, ушел! — шепчет раненый.

В душном кошмаре ползут на него немые тени. Они тропотут, и гусеницы их режут землю, и стрелный шум вдоль шоссе прямой выводит.

— Пить, — попросил он, открывая глаза.

Он хотел повторить просьбу, но испуганно замолк: девушка села рядом с ним на траве, и лицо ее было обжато жаром, а руки вздрагивали. Боец тенью ладони прикоснулся к ее лбу. Сомнений не оставалось: девушка заболела.

В эти дни санитаркам некогда было уснуть: они шли в передовых линиях боя, подбирая раненых и убитых, уносили винтики и гранаты. Это были не просто санитарки. Их ласковые руки умели делать тысячи дел, и эта маленькая курносая девушка была одной из них.

И, боясь, выдать свою нежность, боясь вскрикнуть от боли, раненый закрыл глаза и откатился в сторону, чтобы освободить шинель из-под себя.

Он сразу же потерял сознание.

Потом, когда он поднял веки, ему стало удивительно хорошо.

Он уже лежал на шинели, и девушка, наклонивая лубок на колу, смотрела на него иновато и смущенно:

— Я, понимаю, уснула, а ты и откатился.

— Мне хорошо, — сказал он, — мне очень хорошо. Только я зябну, — схирился он, — вот спирту бы.

Она постаралась улыбнуться.

— Я лягу рядом с тобой, — просто сказала она, — все-таки будет теплее.

И, укрыв его шинелью, она легла рядом и укутала полый шиваки его ноги.

— Постарайся уснуть, товарищ. Скоро будет утро.

Но во утра было еще очень далеко, и он ушел за это время пережить две атаки, а она — вспомнить родину.

— Ты спишь, сестренка? — спросил раненый.

— Я думаю, — сказала она, — я думаю о том, как тебе зовут.

— Антоном, — сказал раненый. — Антон Вершинин.

— Спи, Антоша, — сказала девушка.

— А как тебя звать?

— Анастасия, Настя.

— Теперь я засну, — удовлетворенно сказал раненый, — а ты я все время думал об этом и никак не мог заснуть.

Он попросил пить. Она дала ему воды, и он спал так крепко, что не слышал ни боя на шоссе, ни взрывов вокруг, ни того, как девушка, сгибаясь под тяжестью и обманывая потрескавшиеся губы, несла его через лес, через реку, через болото, к своим, к госпиталу.

Пробулся он уже через сутки. Нога была в гипсе, и, может быть, самой составляющей из всех на войне была маленькая санитарка, наклонившаяся над ним.

И когда он открыл глаза, первое слово, произнесенное им, было «сестренка».

— Я здесь, Антоша, — сказала девушка.

И, чтобы впредь им было так же хорошо встречаться, она сказала:

— Хочешь, я напишу письмо твоей сестренке? Длинное, длинное письмо?

Но он покачал головой и смущенно сказал:

— Не надо...

— Почему?

— Не надо... Я все это придумал.

...Она поддерживает его левой рукой и кормит с ложки.

МИНОМЕТ

С осени 1914 года на многих участках фронта установилась позиционная война. Выросли бесконечные ряды проволочек, появились лабиринты окопов и убежищ. Чтобы начать наступление, надо было предварительно разбить огнем и прожечь баррикады сооружения. Это могли сделать артиллерия или минометы. Пушек было мало, они дороги, готовить их долго, к тому же окопы зачастую находились так близко, что окопчик невозможно было применять артиллерийским огнем. Миномет стоит в десятки раз дешевле пушки, он очень прост в изготовлении, а мина, которую он выбрасывает, по силе осколочного действия превосходит артиллерийский снаряд такого же калибра. Все армии постепенно назвали вооружаться минометами.

Минометы того времени сильно отличались от теперешних. Это были тяжелые, неуклюжие машины. Стрелять из них можно было лишь с места, из окопов. А как только пехота поднималась в атаку, минометы приходилось оставлять. Немного было и думать о том, чтобы поддерживать атакующую пехоту минометным огнем. А ввиду в такой поддержке возникла острая. Расположенные в глубине обороны противника минометы быстро останавливали атакующих, сбивать эти пулеметы зачастую было нечем.

Конструкторы-изобретатели занялись поисками легкого, удобоупотребимого миномета, или как его называли, «орудия соприкосновения пехоты», обладающего мощным огнем и крутой траекторией. Эти поиски увенчались успехом: в Англии была сконструирована 81-миллиметровая мортира Стокса. Все современные минометы представляют собой более или менее усовершенствованные образцы этого прототипа минометов.

О значении миномета в современном бою можно судить хотя бы по следующему небольшому, но характерному эпизоду.

Наша рота с 82-миллиметровым минометом выдвинула через передний окоп на наши окопы. Внезапно стрелковые подразделения были встречены огнем вражеского пулемета, запершего перешек. Дистанция не позволяла применить артиллерийский огонь, снаряды могли попасть в окоп. Окопов не было, так как противник минировал берега. Вывод задел.

В эту критическую минуту командир минометной роты Иванов по востанкам определил пулеметное гнездо вышектов и несколькими выстрелами сбил его с лица земли. Рота пошла в наступление и овладела перешком.

Вскоре тому же минометному подразделению пришлось решить другую боевую задачу. Флангом, потеряв уверенность в насущности, противник контратаковал вершину окопа. Пехота противника численностью до 150 человек находилась в глубокой ложине, в непосредственной близости к насущности. Это накопление было замечено командиром нашего подразделения, знавшего высоту. Он приказал командирам минометов подготовиться и внезапно открыть огонь по ложине. Задача была выполнена блестяще. В короткий срок вражеская пехота в ложине была уничтожена.

На вооружении пехоты Красной Армии имеются минометы 50- и 82-миллиметрового калибра. Эти минометы сконструированы по последнему слову военной техники и полностью отвечают все современным к ним боевым и техническим требованиям.

Каковы эти требования?

Миномет должен быть легким. Там, где пойдет боец, должен пройти и миномет. Наш 50-миллиметровый миномет весит всего около 14 килограммов. Его может перенести один боец. 82-миллиметровый миномет весит около 61 килограмма. Он разделяется на три ящика и переносится тремя бойцами.

Миномет должен бросать мины по кру-

той траектории так, чтобы они могли падать круто сверху и поражать противника в глубоких окопах, щелях, воронках, оврагах.

Наш миномет обладает таким качеством. Он может вести навесный огонь. При этом мина падает в любое укрытие.

Миномет должен стрелять на такую дистанцию, чтобы обеспечить поражение противника, расположенного как в непосредственной близости от наших позиций, так и на более далеком расстоянии, с которого враг может обстреливать наши части ручными и станковыми пулеметами.

Дистанция стрельбы советского 50-миллиметрового миномета — от 60 до 800 метров. 82-миллиметровый миномет способен вести обстрел на дистанции от 70 метров до 3 тысяч метров.

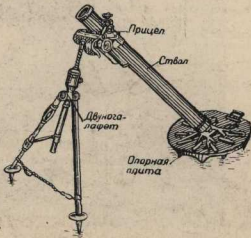
От мины требуется, чтобы она обладала большим убойным действием как по живой силе противника, так и по его огневым средствам.

50-миллиметровый миномет стреляет мины весом в 900 граммов. Эта мина взрывается мгновенно, как только ее головная коническая прешитивная, каково бы оно ни было: земля, трава, листья кустов, рыхлый сугил, вода. При взрыве мины осколки разлетаются во все стороны над самой поверхностью земли. Благодаря этому свойству осколки сильно поражают даже лежащего человека на земле цели в радиусе до 25 метров от места взрыва мины.

82-миллиметровый миномет стреляет более тяжелой миной—весом около 3,35 килограмма. Эти мины имеют взрыватели двух видов—мгновенного и замедленного действия. Если огонь ведется, скажем, по открытому сверху окопу или окопу, где укралась пехота противника, в мину вживляется взрыватель мгновенного действия; коснувшись земли, мина мгновенно взрывается и поражает живую силу противника в радиусе около 30 метров. Иное дело, если требуется подальше укрытое пулеметное гнездо, попасть в окоп с козырьком или в какое-нибудь другое укрытие. В таких случаях мгновенный взрыв невыгоден. Мина должна взорваться внутри окопа, гнезда, а для этого нужно сперва пробить крышу укрытия. Для этого служит взрыватель замедленного действия. Мина взрывается не в момент прикосновения к земле, а лишь после того, как глубоко проникнет внутрь укрытия. Для стрельбы по укрытым живым точкам применяется тяжелая футуговая мина.

Огонь миномета должен быть очень точным, чтобы сразу же, с первых выстрелов, попасть в противника.

Наш минометы отличаются исключительно точным боем. Рассеивание падения мины по

82-миллиметровый миномет.

Огневая точка врага засечена. Минометчики обломали себе удобную позицию в роще, как раз против бугра, за которым скрывается вражеское пулеметное гнездо.

Чтобы установить минометы потребовалось всего несколько минут. С помощью подъемного и поворотного механизмов и оптического прибора стоику миномета приблили нужной угол возвышения, направили на цель.

Огонь!

В сторону противника полетела мина. За бугром высоко поднялся снежный смерч. Мины ложилась точно в цель. После трех выстрелов вражеский пулемет замолчал.

Глубине не превышает 1 процента дистанции стрельбы, а по фронту — ¼ процента дистанции. Это значит, что при стрельбе, положим, на 600 метров все выпущенные мины лягут в границах прямоугольника длиной в 6 метров и шириной в 3 метра, причем любая цель, которая окажется внутри этого прямоугольника, неизбежно будет поражена многими осколками. Миномет должен обладать и большой скоростью стрельбы и остротой, чтобы в короткий промежуток времени засыпать противника немалым шквалом смертоносных осколков, мгновенно уничтожить его, а оставшихся в живых солдат лишить способности к сопротивлению.

Средняя боевая скорость стрельбы наших минометов—около 25–30 выстрелов в минуту. Опытные минометчики делают в более 30 выстрелов. Это значит, что если два миномета откроют огонь по одной цели, взрывы около нее будут происходить через каждую секунду. Можно себе представить, что будет при этом твориться в месте нахождения цели! Воздушные смерчи от взрывов и лишний расклеванный осколками сметут с лица земли, начисто уничтожат противника.

Миномет состоит из следующих частей: ствола, опорной плиты, двукопалуба и прицепа.

Ствол направляет полет мины при стрельбе. Сзади ствол заканчивается казенником с дистанционным краем (в 82-миллиметровом миномете дистанционный край нет). Казенник закрывает ствол и сохраняет его с опорной плитой. Дистанционный же край дает возможность выпускать наружу часть пороховых газов, образующихся при выстреле, и, таким образом, регулировать дальность стрельбы. В 50-миллиметровом миномете дальность стрельбы регулируется изменением угла, под которым устанавливается ствол в момент выстрела, и изменением силы вышибного заряда мины.

Опорная плита кладется на грунт и служит жестким упором казеннику ствола при вы-

стреле. Она принимает на себя отдачу и придает миномету устойчивость при стрельбе.

Двухга-лафет поддерживает в нужном положении дульную часть ствола. Она имеет подвижный и поворотный механизмы для точной установки ствола миномета при прицеливании.

Мина состоит из стального корпуса, наполненного взрывчаткой, головного взрывателя, хвостовой части со стабилизатором в виде металлических крыльев и выпинного пистона, укрепленного в трубе хвостовой части мины.

Мина 82-миллиметрового миномета, в отличие от мины 50-миллиметрового миномета, помимо выпинного пистона, имеет еще 6 дополнительных пороховых зарядов в створках мепочках. Эти заряды, взрываясь, увеличивают силу удара пороховых газов и, следовательно, дальность стрельбы.

Огонь 82-миллиметрового миномета отличается очень большой мощностью. Помимо осколочно-буравных мин от миномета стреляет еще дымовыми минами. При разрыве мины выпускают облако густого дыма, который ослепляет противника.

Стрельба из миномета производится так. Наводчик наводит миномет на заданную цель и ставит ствол под нужным углом. Подносчик мин снимает предохранительный колпачок с головного взрывателя мины и передает ее наводчику. Последний направляет мину хвостовой частью в канал ствола, пу-

скатывая туда мину и быстро отводит руку в сторону.

Под действием собственной тяжести мина скользит вниз до тех пор, пока хвостовый выпинный пистон не навалится на ударник, укрепленный в центре казенника. От скола пороха в патроне воспламеняется, и пороховые газы с силой выбрасывают мину из ствола. На каждый выстрел уходит две — две с половиной секунды.

Минометы применяются как в наступлении, так и в обороне.

В наступлении миномет через головы своих бойцов поражает неприятельские пулеметы, минометы и вражеских солдат, стреляющих из окопов. Он прокладывает дорогу своим бойцам, поддерживает их продвижение в глубине расположения противника.

В обороне миномет держит под огнем близкие скрытые подступы к нашим окопам (складки местности, овраги, воронки от снарядов и т. д.). Как только противник в поисках спасения от нашего ружейно-пулеметного огня набегает в скрытые подступы, минометы обрушиваются на него шквалом своих мин и быстро уничтожают и выгоняют его из прикритий.

Советские минометы просты в устройстве и обращении и обладают исключительной мощностью огня.

Из сказанного видно, какое грозное оружие в современном войне представляет собой мино-

мет. Недаром он получил столь большое распространение. Пожалуй, ни один бой, ни одно столкновение пехотных частей не обходится без активного участия минометов.

Финское командование с первого же дня войны применяет против нас минометный огонь, в весьма широких масштабах. Немешкие конструкторы очень много внимания уделяют техническому усовершенствованию минометов.

Однако наши, советские минометы ни в чем не уступают немским, а по некоторым техническим данным превосходят их. За время великой отечественной войны в рядах Красной Армии выросли многочисленные кадры умелых, искусных минометчиков. Вести с фронта говорят о высоком искусстве, бесстрашии и находчивости советских минометчиков. Много славных подвигов совершают они на полях сражений, многие тысячи фашистских захватчиков погибли под сокрушительным огнем советских минометов.

Профессия минометчика — одна из самых почетных, самых нужных в Красной Армии. Фронт ждет квалифицированного пополнения, и это пополнение должна дать смелая, бесстрашная советская молодежь.

Изучайте же, молодые патриоты, минометное дело, упорно и настойчиво овладевайте искусством меткой стрельбы из минометов! Будьте мужественными бойцами, учитесь без промаха делу коварного врага.

ВСЕ СИЛЫ НА РАЗГРОМ ВРАГА!

Фото Л. Доренского, Ф. Левшина и И. Шагина

Начало февраля 1942 года. Страна охвачена трудовым подъемом. Мысль, что фронт ждет оружия, боеприпасов, бензина, угля, заставляет токаря быстрее обрабатывать детали, а сталевара больше варить стали. Эта же забота о фронте возмущала кемеровского заводчика Никиту Састерова, когда он, спустившись в шахту, вырубил своим отбойным молотком в десять раз больше угля, чем он обычно давал в смену. В шестн вагонов велел на фронт уголь, выданный из-под неумолимым шахтером!

По почину комсомола, решившего достойно отметить славную 24-ю годовщину Красной Армии, в эти дни в стране с новой силой развернулось социалистическое соревнование. Теперь уже стали говорить не только о духотниках, но и о трескотниках, на фабриках и заводах стихийно возникли фронтовые молодежные бригады.

Вот на верхнем слывке комсомолец-сталевар Н. Янин. Он изо дня в день перевыполняет норму выплавки стали. Он знает: больше стали — больше пушек, самолетов, танков — ближе победа над врагом. И вот металл, над рождением которого трудились комсомолец-сталевар Янин, поступает на Н-ский завод, производящий автоматы. И здесь работают доблестные советские патриоты. Мысль о фронте не дает покоя их рукам, заставляя с особой тщательностью проверить качество боевого оружия. Комсомолец Антонов (на первом плане второго снимка) работает сейчас с упроченной энергией: чем безупречнее вымучены из цеха автоматы, тем сильнее будет разбит враг смертоносной ослеп... И кто знает: откладывая в сторону проверенный автомат, не видит ли он перед своими глазами такую картину:

...Наши бойцы, вывев фашистов из опорного населенного пункта, гонят врага с родной земли (фото вверху). В руках бойцов пулеметы, самозарядные винтовки, автоматы — грозное боевое оружие, которое выпускает завод, где трудятся комсомолец-трескотник Антонов.

Линия фронта проходит сейчас у станиц. Чем больше энергии, упорства вложил ты в свой труд, тем активнее твоя помощь фронту. Победа над врагом коется не только на полях сражений — всегда помня об этом, патриот!

Невыдуманные рассказы

Приказ генерала

Письмо не прочито ни кем, сургучные печати не стергует его тай. С ним не мчался на измученном коне связной, его не вез в полевой сумке офицер связи.

Оно пришло по почте, обычное письмо без марки, со штампом «Красноармейское».

Письмо в голубом конверте было адресовано генерал-лейтенанту Говорову. Генералу вручили письмо поздно ночью, когда он сидел в штабе над картой-штурверской.

Карта была испещрена черными и красными кружками, полу-кружками, дугами, стрелками — многозначительными штабными не-реляциями.

Значки на карте двигались влево, на запад. Один шёл вслед за фронтом, другие опережали события на несколько дней. Полки еще не знали дачки, которую только что, сидя за картой, разработал полковородец.

Генерал урал минуту, распахнул и прочел письмо.

«Простите, — говорились в письме — что в такое время делал к вам обратиться, глубоководный товарищ Говоров. Вам пишет гражданин Л. С. Сапелькин из Москвы. Вот уже скоро пять месяцев как я живу в батальоне. Муж в армии. Когда ему довелось по долгу службы побывать в Москве, он свез сынишку в деревню к своей сестре. Вот о сынишке-то я и хочу вас спросить. Дело в том, что ребенок не на востоке, а остался там, где побывал немец. Представьте себе несъеж убогого положения: ребенок находился в деревне Новинское, в семье учителя Николая Васильевича Наумичева. Товарищ Говоров, не откажите в просьбе и, если возможно, узнайте о судь-

бе нашего сынишки. Я буду вам благодарен так, как может быть благодарна мать. Может быть, вы сами отец и меня поимете. Сынишку моего зовут Мишутка Сапелькин. От всей души желаю вам здоровья и дальнейших успехов».

Уважаемая вас

Л. С. Сапелькина».

Генерал знал деревню Новинское. Вот она на карте. Его войска выбыли из деревни немцев. Это было надих. Сейчас линия фронта перебивалась на запад, и в Новинском, пожалуй, не слышно сегодня даже далеких оружейных раскатов.

На голубом конверте не было никаких пометок, обычных для корреспонденции, которую привык получать генерал: «Срочно», «Не задерживать», «Алло! три креста» и т. д.

Тем не менее, прочитав письмо, генерал Говоров вызвал адъютанта и отдал приказ немедленно во что бы то ни стало разыскать Мишутку Сапелькина.

Порученч помчался в деревню Новинское с приказом генерала.

Через два дня генералу доложили, что Мишутка найден. Семилетний мальчик вместе с семьей учителя Наумичева все это время скрывался в лесу. Он жил в землянке и благодаря заботам старого учителя Наумичева избежал встреч с фашистскими постояльцами.

Той же ночью, когда вернулся порученч, генерал отправил ответ Л. С. Сапелькину.

Он сообщил все, что знал о Мишутке, одном из миллионов Мишуток, ради которых генерал далеко замолочив сидит в штабе, склонившись над картой.

Совет

Взрывной волной с головы сорвало палочку — и все. Ездовой Прокопенко счастливо избежал осколка мины.

Но случившая, как он выразился, «малоприятность». Осколок

угодил в приклад карабина и расшнел его.

Батарея мигла огневую позицию. До базы было далеко; а лишний винтовки ни у кого не было.

«Как же теперь? — спросил старейший Прокопенко у лейтенанта Лаврентьева. — Выходит, оставаться мне в безоружном состоянии...»

«Сегодня никак помочь не могу. Придет подполконт, придет на место — тогда...»

«Вся моя материальная часть — вот она, — и Прокопенко подбросил на ладони гранату «лимонку» — Мне ждать никак невозможно».

«А вы убедите немца и возьмите его оружие, — посоветовал лейтенант Лаврентьев».

В тот день артиллеристы несколько раз затевали перестрелку

с «жучкинами» и каждый раз безоружного ездowego оставали при лошадей.

«Выходит, в тыл меня определили? — не унимался Прокопенко».

Его вопрос звучал как укор, как горестная жалоба. Он тяжело вздыхал.

«Я ведь вам, боец Прокопенко, уже советовал, — отрезал лейтенант».

Ездовой внимательно посмотрел

на Лаврентьева и понял, что тот говорит всерьез.

«Есть, товарищ лейтенант, — отозвался красноармеец, и кругло повернувшись, замахал прочь».

Новым Прокопенко исчерп, с уторм на привале его опять можно было увидеть у лошадей. Ездовой чистил серебряной гнелую кобылу Стрелку. Она лоснилась до блеска.

За плечом у Прокопенко висел немецкий автомат.

Лауреат батареи

Балдайка имел весьма плачевный вид: без струн, дека сломана, корпус разохся, триф треснула.

С тревожным нетерпением ждали артиллеристы: заиграет или не заиграет?

И дождались: заиграл.

Тяжело ударил по струнам, и балдайка ответила ему первым чистым аккордом. Помыслив, захватывала всех, незатейливая, но волнующая мелодия.

Ефрейтор оказался замечательным балладечиком. Его прозвали лауреатом батареи.

Часто вместе с машиной, которая привозит снаряды на огневую позицию, ефрейтор приезжает на гастроли. Батарея, которой командует лейтенант Беленкин, обитает в глухом лесу. Люди давно не слышали музыки — патефонной пластинки, радиопередачи.

В час фронтового затишья начинается концерт Ткаченко. Оружейный расчет спускается в землянку. Люди снимают каски, полшлемники и стоят слушая, «Контрастный зал» вымещает пять человек.

Вызвет в так, что влостный голос дежурного останавливает музыканта. Обрывается заминистая трель. Ближайк мгновенно пустеет.

Слушатели спешат к орудиам, а Ткаченко уплывает вместе с ними — водность сварила.

Батарея начинает концерт для фашистов, который имеем общего с музыкой не имеет и вряд ли ласкает слух врага.

Черные петлицы

Люди у костра увидели паренка, когда тот подошел совсем близко. Темной ночью человека, который идет на огонь, всегда плохо видно. Он юзается у костра внезапно, как бы вырастая из земли.

«Я иду команди батареи, — сказал паренек, опережая все вопросы».

«Я командир батареи, — отозвался старший лейтенант Бирюков».

«Ага... Ну вот... Тогда примите меня в артиллеристы, — сказал паренек».

На вид ему было не больше шестнадцати лет. На нем были серая куртка, из-под которой выглядывала голубая майка.

«Зеленый я, комсомолец, хочу защищать свой город».

Так сбивчиво и горчико упрямительно он Бирюкова, что тот не

устоя и принял паренка «в артиллеристы».

Сергея Соловьева стал разведчиком батареи. В предассветный час, когда над землей стоял туман, он обычно уходил «туда», через линию фронта.

Начались заморозки. Сергею ухаживать, зябко кутаясь в свою куртку, подвоя воротника.

Возвращался он с точными адресами вражеских батарей, складов, блиндажей.

В минуту жаркого боя, когда разведчик «по совместительству» подносил снаряды к орудью, у его ног разорвалась мина. Сергей схватился руками за грудь и упал. Закованый Елисеев побежал к нему, но помочь уже ничем не мог.

— Ну что? Ну что с тобой?—

аестерино спрашивал Елисеев.— Ну что нужно сделать?

— Покороните в форме... — вот все, что успел сказать Сергей.

А после боя лейтенант Бирюков сказал:

— Он умер артиллеристом. Ничего, что он штатский товарищ. Мы похороним Сергея в нашей форме, с воинскими поговестиями... и приказали принести новое обмундирование.

В честь разведчика прогремел орудийный залп. Это не был торжественный салют, который мы слышали когда-то на праздничных парадах. Это был боевой салют. Снаряды ударили точно по целям, которые накануне указал Сергей Соловьев.

Его похоронили в гимнастерке с черными петлицами артиллериста. И пушки скрестили на черном свине сую крошечные дробинки.

Ротный писарь

Снайпер Михаил Лысов вел нехитрое ротное делопроизводство. И хотя Лысов в общей сложности держал карандаш в руке не больше пятнадцати минут в день, за молодым бойцом прочно утвердился кличка «писарь».

Красноармеец Федчук, который никак не мог справиться со своими каракулями, зависел Лысову.

— Тебе бы только на черновиках расписываться, — говорил Федчук вальша.

— Он мог походить стоять рядом с писарем и молча следить, как тот пишет.

Но сам Лысов явно тяготился своими обязанностями, а самая кличка казалась снайперу даже оскорбительной.

— Разреши податься в отставку,—управлявший Лысов командир роты, — хочу уволиться из писарей. Но не лежит у меня душа к канцелярским принадлежностям, никак не лежит!

Командир роты был непреклонен:

— Найдеши бойца с таким же четким почерком, как твой,—по-

Немский летчик пытался «бить пламя. Он предельно сложные эволюции, но все напрасно. Бомбардировщика тянуло к земле.

— Фигура низкого пилотажа,—удовлетворенно заметил, сидя на бруствере окопа, сержант Сапегин.—Что-то среднее между шпорцем и глубоким выражением...

А красноармеец Федчук, не искушенный в авиационных терминах, сказал, наблюдая за «Юнкерсом»:

— Кувырок пошел... На замесление.

Бомбардировщик рухнул за дальним лесом, взорвавшись на своих бомбах.

С того памятного дня за Лысовым утвердилось новая кличка: «езник».

И хотя езник Лысов попрежнему вел нехитрое ротное делопроизводство, никто не называл его писарем.

Новая кличка нравилась больше и роты и ему самому.

Сенас

Разведчик прослышал о том, что немцы хотят устроить в деревне Марьюво кинесенас для солдат.

Стал известен и точный адрес: пустующее здание колхозного клуба. Стало известно и начало сенаса: десять вечера.

Очевидно, прибыла новая партия пеллуловояного врагя Геббельса. Может быть, очередной выкуп немеской эсэковщины был посвящен слабости русской артиллерии?

Майор Нестеров так раз взглянул на часы и позвонил на батарею.

— Огонек найдется? — спросил Нестеров таким тоном, как кумириндик просят огня у случайного прохожего.

— Огонек припасли,—заврал старший лейтенант Йоучеа.—В десять ноль-ноль можем начать сенас.

— Сумею поехать без билетов в артиллерийский зал?

— Наденеси, товарищ майор.

— А опоздаваю на час не обидитесь?

даться? — лукаво спросил Нестеров.

— Немцы—публика аккуратная... — А вдруг кто-нибудь не поест к началу? — не унимался предусмотрительный майор.—Все-таки невесело будет с нашей стороны.

Артиллерийский огонь был открыт в двадцать минут одиннадцатого. Зрительный зал к тому времени был битком набит немецкими солдатами.

Батарея Леониучеа накрыла здание бывшего клуба со второго яруса. Огневой сенас на этом не закончился. После фугасных снарядов последовали осколочные. Эти — для уцелевших кинезителей, избежавших из горнистого здания.

Еще не успел отгрянуть третий залп, как в землянке майора раздался писк полевого телефона. Звонили с наблюдательного пункта.

— Комсомолец! Маюкисину, несильно батарея, не терпелась.

— Сенас окончен!—должен он.

Пригоршня соли

В предобеденный час повар Савичев, как всегда в это время, хлопотал у котла. Немеского рода везиучиный варенек доводо орудия полонником, перемишываши.

Время от времени повар вооружался большой деревянной ложкой, зачерпывал щи, долго думал на дожку, остужая ее. Он пробовал щи, с удовольствием прижмокивал и, наконец, довольный, закрыл крышку котла.

Делав рука у Савичева была на перевязи. Известно было, что он ранен в рукопашной стычке с немцами, но подробностей я не знал.

У соседней кухни уже топшились с котельками артиллеристы. Наступала стрядная для повара пора, и Савичева нельзя было отвлекать от дела.

Рассказ повара запинал положе мой фронтовой товарищ Володя Светлов, скромщина и смельчак, умница и лярчик, человек, который умудрялся читать стихи даже под обстрелом.

Вот запись рассказа Савичева. «С солью у меня оказалась полуцучилась. Донес ее почти до самого котла и насыпал прямо в грязь; сливаю!»

И запас как раз весь вышел. А какой же может быть обед без соли?

Должик старшине, а он, конечно, требуют: — Чтобы же сметь с солью. Как полагается. Честь чествью. В крайности до деревни дойти, а соли достать.

Хорошо. Деревня была неподалеку. Сходил туда, дали мне в колхозе соли.

— Пожалуйтесь, — говорит, — приходите, если что нужно будет. Иду обратно.

Только начал в лозину спускаться, кинулись к нему две из-за кутов двое с пистолетами. Вижу, немчура хочет меня схватить.

Как бы не так, думаю. Загреб я полную пригоршню соли и швырнул в ихние морды поганые.

Расчет мой верный был. Пока немцы за глаза схватились, я с плеча скинул винтовку и стукнул в лоба рязя прикладом. Одного сразу намереть зашиб, а другой очутился и с ножом на меня бросился. Руку вот поранил.

Заколочу я его. Руку перевязал, забрал пистолеты и собрался шагать к кухне.

А идти нельзя: соли-то у меня опять нет!

Пригоршня на немец ушла, а что, что осталось, порастерялась, когда я их прикладом обалажал.

Опять иду в колхоз. — Извинюсь, — говорю, — только соль вашу я на личные нужды потратил. А обед для бойцов, выходит, опять не с чем варить.

И рассказал, какой у меня случай дорогой вышел.

Дали мне снова соли да еще похвалы:

— Спасибо,—говорит,—тебе, сынок, что ты послал этих вродов. Большею — говорю — тебе от всех нас спасибо, молодец ты!

Также и бойцы в тот день признали опоздание с обедом уважительным.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Чем ближе мы подходили к линии фронта, тем яснее становились следы войны. Все чаще приходилось объезжать взорванные немцами мосты; шоссе, по обочинам которого постоянно рывались полугусеничные, слезом остовы немецких машин, вздробили искрошенные повозки, трупы лошадей, исковерканные танки, ящики из-под мин и снарядов с немецкими надписями.

Местами огородами обнесены участки, которые наши саперы еще не успели разминировать. По одному из таких участков бродила шивенька как забрывается туда колхозная лошаденка. Ребятишки и колхозники кричали на нее, размахивали руками, швыряли камни, а лошадь смотрела большими непонимающими глазами на возмущенных людей.

Мелькают деревни. Но вот началось «возра пустыни». Здесь прошла нота барара. Огонь пощипал заборы, и они черными квадратами обозначат места, где еще совсем недавно стояли деревянные избы с резными петушками и высокие крыльца, а из труб вился легкий дымок. Теперь здесь мертво, и только одиночные трубы, словно маятники на кладбище, стоят поочередно и мрачные. Холодная ярость подкатывает к сердцу.

Кончилась накатанная дорога. Простелили снег на очищенных от снега, и мы с радостью выполняем приказ — дальше идти на лыжах. Хорошая тренировка после двухмесячной лыжной подготовки в тылу!

Повалили напрямки, по азимуту. Сколько километров пролетит привал? Мы выходящая просекающая дорога! Через час после выхода — пятиминутный привал. Выбрала я лесу хорошо укрытое от воздушного и наземного наблюдения укромное местечко, подогнала снаряжение, отдохнула и снова двинулась в путь.

И вот мы у цели. Нам развелили по избам (ота деревня каким-то чудом уцелела; видимо, немцы просто не захотели ее сжечь; очень торжественно). Где-то глухо ухали тяжелые орудия, доносилась пулеметная трель. Музыка войны немощно встревожила, стало как-то во не себе, но жители и встречные красноармейцы были совершенно спокойны, словно ничего и не слышали. Их спокойствие незлобно передало и нам, новичкам; значит, до фронта еще далеко. И даже когда совсем рядом кто-то решил «прогреть» свой автомат и дал две коротких очереди, никто и внимания не обратил.

Командир батальона потребовал к себе младших командиров.

Мы медленно двинулись, — сказала ей — Это оттого, что прокладывавшие лыжни сменялись недостаточно часто. На будущее учите: прокладывавший лыжню должен быть впереди на distance двух-трех минут, в зависимости от состояния снега. Это — первое. Второе: через два часа отправляется дивизионная лыжная разведка. С ней можно посылать нескольких наших бойцов. Пусть поучатся у опытных людей. Надо набраться опыта добровольцев.

Охотников пошла в разведку оказалось гораздо больше. Многим пришлось отказать. Мне посчастливилось: я попал в этот десяток. В сумерки, когда бойцы батальона собирались уже ложиться спать, наша группа разведчиков вышла из деревни. Быстро темнело. Я шел трезво, но с трудом различал высокую фигуру старшего лейтенанта Шапонова, шедшего впереди. Маскировочные халаты помогли нам спастись с полем. Снаряды не обнаруживали. Мы шли быстро, потому нельзя было бы обнаружить.

Прямо перед нами из темноты выступили распыляющие контуры леса. Мы углубились в тунду. Шапонов приказал остановиться. На мгновение он осветил карту и сказал:

— Справа, через дорогу, в трехстах метрах, деревья Ноздримо. Надо выяснить, есть ли там немцы.

Вперед выехали дюжину. За ними осторожно шли другие отряды. Минут через пятьдесят герероны вернулись:

— Немцев нет. Жители расприпавили — подтверждают. Два часа назад ушли в направлении на Веселовку.

Мы двинулись дальше. Шапонов выbral очень удачный маршрут: то куратник, то лошита, то лесок. Замечательная дорога для разведки!

У одной из деревень наткнулись на немецкую полевую кухню. Шапонов быстро развернул группу. Мы первые начали стрельбу.

В деревне поднялся переполох. Забегали немцы. Опиравшись, они наконец открыли ответный огонь. Этого только нам и было надо. Старший лейтенант приказал прекратить стрельбу и погнать к лесочку.

Мы ушли уже далеко, а немцы с перепугу долго еще стреляли по пустому месту.

Из глубокого оврага опять поднялся на нас огонь. Старший лейтенант приказал повернуть назад. Горел только один дом, а баргоров зарево заливало полнеба.

— Сержант Мищенко, за мной! — ежомандил Шапонов. — Остальным двигаться сюда, на distance трехсот метров.

Шапонов нажал на педаль. Тут-то я убеждался, почему делало так много. Я считал себя совсем неплохим лыжником, однако мне нелегко было следовать за ним, хотя я и шел по проторенной лыжне. У околицы мы остановились, внимательно осмотрелись и задержались на минутку в горшочку дому, где столпились десятки дач местных жителей.

— Немцы есть? — спросил Шапонов.

Колхозники растерянно перешептывались.

— Голубчики, да это наши! — радостно воскликнула вдруг какая-то женщина. — Нету их, вродок нету! Только ушли...

— Стой, паразиты! — громким голосом неожиданно закричал Шапонов и ринулся в глыбы деревьев.

Я за ним. Примерно в двухстах метрах наблизился к выскользнувшему дереву. В отблеске зарева видно было, что они на лыжах. Фантомны заметали погону и что есть силы наступили наутек.

Горячая это была гонка! Только русские оказались лучшими лыжниками, чем немцы. Расстояние между нами сократилось. Спортивные качества оказались превосходными. Во что бы то ни стало хотело догнать их и захватить живьем. Они уже совсем близко. Слышно даже их учащенные дыхание, как и загнанный зверь. И тут вдруг случилось нечто таинственное, как ни на что не ожидали. Я почувствовал, что теряю сокровище. То же самое, очевидно, происходило и со Шапоновым. Мы стали отставать от немцев.

Сделав еще несколько шагов — видно, что это ему стоило больших усилий — Шапонов остановился, сгнул спину, и не глядя на меня, выложил ежомандил:

— Стрель, сержант, в первом!

Раздалась короткая очередь из автомата. Немец нелегко вымахнул руками, отбросил автомат, сгорая выскочил и туловище ушло. Я скинул винтовку и тоже выстрелил — в другое. Мой показало, что солдат запалтался. Но нет, он продолжает идти. Еще мгновение — и фигура фашиста скрывается в лесу. Какое досада!

— Что случилось с лыжником? — подбежал я к Шапонову.

— А то, что мы с тобой плохо собрались. Не дождовольно оттелили они — Мимо горячего дома шли?

— Шли.

— В такой снег полагал?

— Полагал.

— Вот тебе и ответ. Лыжи обледели.

Придется снискать.

Мы подошли к подстреленному немцу.

Шапонов осмотрел труп и проворчал:

— Дьявол! Каждый раз один и то же. Хочу прогнать, они не хотят, чтобы в штаб доставили, а пришел к груди тянется...

Сняли мы с убитого лыжи, забрали документы, железный крест и вернулись к своим. Следующий деревня, Рабено, — кончилась наша лыжная гонка. Тут же залезли на опушке и ждем рассвета. Отсюда хорошо видно на деревня. Лежим, наблюдаем. И видим, как к Веселовке по дороге тянутся небольшие немецких войск и небольшой обоз. Это к месту: так, подождем подкрепления.

Фронт, очевидно, решили оказать в Веселовке серьезное сопротивление. Тщательно записываем в журнал все, что замечаем.

Подождать уютнейшего. Устаем. Да и мороз нам себя чувствуют. По приказанию командарма бойцы ушли в глубине леса небольшую му, притаились туда веток. Это — наше временное жилище. Отдыхали поочередно. Две шибель подождали под себя, двумя шибельми — головой и лопатки, а то и дремать. Несмотря на тридцатиградусный мороз в мае тепло.

Дождившись темноты, пустились в обратный путь. Показали лесок, тот самый, который скрывал от нас «мой» немец. Шапонов остановил группу и позвал меня. Показал рукой на деревня:

— Сержант, посмотрю-ка: не твой ли это выскочивший из лесов солдат?

Я помчался вперед. И впрямь: труп немецкого солдата. Лыжник. Ну и зрение у нашего командарма! Глазнул я на спину фашиста. Так и есть! Прострелен. Значит, «мой»! С трупом скрывался немецкий солдат. Лыжи. Обработанный вернулся к командарму.

— Документы соды, — сказал он, — а лыжи оставь себе. Походишь на трофейных.

Обратно добрался без приключений. Велоду в ту ночь не выстрелил ни разу. Удивительно тепло, радостно, даже восторженно. Видеть, как они настрадались при фашистах! Можешь себе представить, с каким нетерпением ждали они своих, русских. Каждый стремился выразить свои чувства, как может, всем телом, чтобы хоть чем-нибудь полезным бойцам.

Вернулся мы, как говорят, без задних ног. Устал я смертельно. Сразу захватились спать. Они поспешно поехали в штаб.

Не скоро удалось заснуть и мне. Товарищи же дала. Требуется подробного отчета о наших походах. Сказать правду, и самому мне не терпелось поспешно вернуться.

Шутки, шутки! Как можно напоявшись из Сергие так и трепещет, чувствуешь себя чуть ли не героем. Видел как никак, а первый поход да еще с боевой удачей. Но стараться не выказывать из себя. Как можно равнодушнее, будто нехотя, отговарю.

— Ну, что особенного! Ходил в разведку. Встретили немцев. Хотели взять живьем, а они — божать. Пришлось стрелять. Вот и все...

Только не вышло хвалить у меня выдержки. Не утерпел я стал рассказывать все, с мельчайшими подробностями. Случайные внимательно молча, а после рассказа накоричу дождаться и поднесли живую стопку водки. Не выдержав, товарищи предложили мне много радости. Значит, я заслужил. В эту ночь я спал сон преевника, без сновидений.

Батальон расположился в большой деревне, отбитой накануне у немцев. Отсюда хорошо были видны окрестности, и мы случайно оказались свидетелями интересного эпизода.

Бойцы соседнего подразделения повели наступление на деревня. Впереди шли немцы. В бой включились наши халатки, незаметные на снегу, бойцы делали перебежки, падали и зарывались в снег. Трудное это было наступление! Деревушка открыта со всех сторон.

Вся местность простреливается. Два немца пулемета преградили путь. Атака застыла. Казалось, никакими силами невозможно заставить замолчать проклятые пулеметы. Нипш стали отходить.

Несколько на дороге показались сани с кухней, выехавшие из соседней деревни. Все так и ахнули. Какой-то бесечный ездовой ехал прямо к деревне, занятой немцами. Видно, заблудился.

— Что он делает? Разве он не видит? Вернись! — закричали бойцы.

Да разве за два-три километра услышишь? Кухня продолжала свой путь. Немцы не страдали. Вероятно, они теперь были победители. С замрачением сердца следили мы за санями.

А дальше случилось вот что. Когда до занятой фашистами деревни оставалось всего метров триста, сани вдруг остановились. Следом брезжит, словно его ветром сдуло. И тут мы увидели, что это вовсе не кухня. На санях грозно сиделось орудие, а «бесечный ездовой», япсар и его «помощники» малом прерывались в судорожный раскат. Прежде чем немцы успели опомниться, орудие заговорило полным голосом. С первых же выстрелов дым, в котором находилось пулемет, полетел вверх торчишкой. «Ездовой» со своими друзьями быстро повернул орудие. Еще несколько выстрелов — и второе пулеметное гнездо противника навсегда смолкло. Не теряя времени, пушка открыла беглый огонь по другим целям.

Из снега поднялись бойцы. С громкими криками «ура» они стремительно бросились в атаку. Ошалевшие немцы пытались было отстреливаться, но вскоре дрогнули и пустились бежать. Орудие яростно обстреливало дорогу, по которой отступал противник. Деревня была взята.

— Вот как надо воевать! — с восхищением сказал кто-то из бойцов.

Скоро мы узнали подробности этого необычайного происшествия. Замаскировать орудие под кухню придумали лейтенант Кругликов и младший лейтенант Полоумов. Они же столь талантливо исполнили и роль ротоверев. Весь день у нас только и разговор было, что о военной хитрости.

К вечеру пришел приказ выйти в тыл неприятеля и занять деревню Рыбцево. Липа у леса стала серьезными. Первый бой, первое испытание!

Два месяца мы изучали в тылу лыжное дело. Мы лышко ходили, стреляли с лыж, переносили, метали гранату, но... все немощно вспоминалось. Да и — чего греха таить! — было страшно. Наступал час великого экзамена.

Проверили винтовки, снаряжение, перематывали портянки, подгоняли вековые мешки. Защелкнул нам комиссар, поговорил, пошутил. Винт комиссара несколько успокоил. Стало как-то веселее на душе.

И шел первым. Дорога мне была знакома. Что останавливались, прищипывали и, так как, кроме санина лыж, ничего не слышали, шли дальше. Незамеченными миновали передовую линию неприятельской обороны и уступились в тыл. За санями лежал уже добрый десяток километров. Так начался наш поход. Миновать ту самую деревушку, где мы со Шпаговыми встретили двух немецких лыжников, а там и Рыбцево.

Все связано из деревушки вылетела ракета. Мы бросились в тыл. Заметили нас немцы или нет? А если заметили, успели они определить наши силы? Раздумывать нечего было, дорога каждая секунда. Батальон разделился на две части и начал отбывать деревню с тем, чтобы соединиться по ту сторону села.

Мое отделение шло в атаку с фронта, по дороге. Немцы открыли стрельбу. Мы залегли и отвечали. Время от времени поднимались и бросками двинулись вперед. До села доносился треск выстрелов с флангов противника. Это палили по врагу наши. Убедившись, что их общими, немцы бросились вон из деревушки. К составлению, им удалось выскользнуть. Последний батальон не успел соскочить с деревни. Противник бежал в Рыбцево. Командир батальона решил преследовать врага. Горькое движение батальона оставался прежний: две колонны обходили деревню с обеих сторон, чтобы не выпустить неприятеля с позиций.

Светало. Уже можно было различить чело-

В тылу противника.

века за сто-сто пятьдесят метров. Мы ждали на палики. Прокладывающие лыжно менялись каждую минуту. Как ни быстро бежали немцы, нам удалось их опередить. Не успели они еще добежать до Рыбцева и отшатнулись как часть бойцов, следовавших вслед за ними, открыла стрельбу.

Наше появление в Рыбцево было столь неожиданным, что противник даже не пытался организованно сопротивляться. Фашисты выстроили десяток пулота автоматчиков, чтобы задержать нас, а сами кинулись бежать из деревни, побросав обоз, раненых, военное имущество.

Но обе наши колонны уже успели обойти деревню. Мы дали немцам выбраться из села, а когда это вышло войство, утупая в снегу (накучивше был снегосад), таящиеся по дороге, командир приказал открыть огонь. Трудно вообразить, какая паника поднялась среди немцев. Они металлись, как угорелые, не зная, куда податься. Кто-то пробовал возвратиться в Рыбцево — их тоже постигла наша пуля.

А мы забыли про все на свете. Вошли, как гонимые, в раж. Куда девались прежние страхи! Будто и не было у нас никаких тревог, не было беспокойства за собственную жизнь — куцства, от которого сердце замирало. Будто всю жизнь мы только то и делали,

что воевали. Оставалась только одна единственная мысль, вытеснившая все остальные: бить врага, уничтожить его беспощадно, до последнего!

Около двустот германских трупов осталось лежать у Рыбцева. Такими результатами нашего первого боя, нашего боевого крещения.

Мы заняли село и держались, пока не подошли наши передовые части. В селе нами в подвалах четырех «факельщиков» — фашистских поджигателей. Они были снабжены специальным порошком для поджогов. Это предназначалось для Рыбцева. Только поджигатели не успели сделать свое черное дело: помешало наше стремительное нападение. Колхозники не знали, как и благодарить нас. А «факельщиков» они хотели растерзать на месте — страшно сказать, какая злоба у населения на немцев! — да мы не дали и отпирания разбойников в штаб.

Сейчас, когда вы будете читать эти строки, забывшие при свете керосиновой лампы, мы будем далеко на западе. Уже десятилетия боев останутся за нашими плечами. Названия деревушек, которые мы пройдем, сражения и стычки, в которых будем участвовать, вероятно, сотрутся в памяти, но воспоминание о первом бое никогда не умрет.

Дерево, ветки, дерн надежно укрывают танк от глаз вражеского наблюдателя. Юнчик наготове, командир притворил крышки люка, настроенно прислушивается. Настает момент — сдулочная крепость выскочит из засады и стремительно помчится на врага.

В. СТАВСКИЙ

БОЕВАЯ ЮНОСТЬ

Вприло от пулюго, асфальтированного шоссе, всего метрах в ста, чернеет небольшая еловая рошча — узкий мысок уромого лесного массива.

Рошча — как рошча. И ни от шоссе, ни от большой деревни, что соседств шоссе, не видно, что среди елок стоит стальная громадина танка. Зато из него очень хорошо видны и поляны и опушки леса во обе стороны шоссе.

А самое шоссе — вот оно, стремительно мегнувшись в ложину, взлетает на бугор и изливается за низкий ливень горизонта всего метра в высьмахат от танка. Там враг, откуда в любое мгновение может выскочит фашистские машины. Враг упирается нажим. Вера от захватит перекресток дорог за тем бугром, в полтора километрах. Да, в любое мгновение надо ждать сюда фашистов. «Утро красит нежным светом Стены древнего Кремля...»

зависает бешеный стрелок Алексей Патаев и умоляет: на плечо его строго дерла рука командира танка Седельного. И оба они в еще двое — механик-водитель Георгий Павлов и стрелок-радист Михаил Халеевич — настроенно прислушиваются. Издалека слышен гул моторов.

Танк уже второй день стоит здесь, в засаде. Вера другой танк ушел. Его командир свазал Седельному:

— В моей машине неисправности — надо ехать на ремонт.

— Эжай, я буду здесь! Гул моторов нарастает. Седельный осматривает в отгазнич прибор азис окрругу. С нехарактерной азистоту запечатлеваются в сознании деревняные дома деревни, опущенные серобристы ивыне березы.

— Бомбардировщик! — вскрикивает Халеевич. Восемнадцат немецких бом-

бардировщик разворочивает в смысле неба над деревней, образуя огромный ревуший круг. Один за другим пикируют, набирают высоту, вьются шившуют и вновь поднимаются вверх, серые, отвратительные. Земля гнетиво подрагивает от ударов бомб. Над деревней взлетают капитально-опиленные столбы дыма.

Руки Седельного застывают на механизме пушки. Крепкое слово срывается у него:

— Падаю пролетоле!

Он переглядывается с товарищами. Лишь вчераше они встретились в своем батальоне. Вера привила эту боевую машину. И тогда по приказу заняли здесь оборону. За эти часы напряженного ожидания каждый из них уже успел рассказать про себя, про свою жизнь, про борьбу с фашистами.

Силок вдали гул немецких бомбардировщиков. Пылают дома и строения в деревне. Сивый дым клубится в морозном воздухе. Иссия-черные глаза Владимира Седельного подергиваются алжичным туманом. Может быть, вот так пылали другие места: и Котовск, что близ Дзержинска, в Молдевии, и неподалеку МТС имени Котловского.

Родные бескрайние степи, а золото песчинок, в оранжевом сиянии подсолнухов, в туманной, густой зелени кукурузы и клеппель...

Родные места и алжичным трудом на закате, и трепетные тополя, и вишневые сады, и хаты, и — словно добрый и зоркий часовой — сильная бабка, вьются за десяти километрами. Сама пролетит из сердца песня, и вот он, бригадир тракторной бригады, садится на ступеньку фурыга, берет гармонь...

В грозный восемнадцатый год родился в семье бойца-кочетова Владимир Седельный. Две сестры и два брата росли без родителей, сиротами.

Владимир батрачал у курулеул до двадцати девятого года — пас гусей, индеек, свиней. Потом учился в вечерней школе. Комсомольцы устроили его на работу в «Военстрой», через полтора года

он вернулся в колхоз, работая на молочной ферме. Здесь в 1937 году он вступил в комсомол и вскоре стал бригадиром. Перед уходом в армию в 1939 году, Владимир Седельный был уже бригадиром, и тракторная его бригада выделялась успехами, дисциплиной, ростовыми и дружной, заслужившей славу. Вечером на стану бригады звенели песни, сюда собирались молодежь.

Какая это была жизнь! Любимый район — Сибирская земля, и сын Вали; уже сейчас уже три года. Где они? Что с ними? Где сестрица и брат? Уравному толкут немалые хлопоты. Дым пожара стелется над деревней за длиной. Стоны мучеников в фашистской неволе слышны по городам и селам, и кровь народа кричит об отмысли.

— Та не будо познатьме, люте враги! — одним губом, истоиво, как кидуту, шепчет Владимир Седельный.

Смысл — лишь его сурово и гнетиво. В литу скалжк черные брови. Пламенеет глаза. И слова истораживаются ему. Слух его ловит нарастающий гул двигателей — такое же, как и прежде. Стало быть, опять идут бомбардировщики. А после бомбежки обязательно войдут в атаку танки. Так было око Ельней, так было око Рославля. В моменты Седельного горючей чередой проносятся схватка атаки...

Под Рославлем танковой полк, в составе которого действовал Седельный, ринулся в атаку, вступил в тылы врага. Три танка, восемь орудий и склад артиллерийских боеприпасов уничтожил тогда Седельный. Немало немецких офицеров сдались в плен танкистам.

А познее полк оказался в немецком окружении, захваченном огнем и стальным колючем. Танкисты прощали две линии окружения. Семнадцат раз бросались танкисты в атаку на врага. Владимир Седельный четывацать раз атаковал врага с исправной пушкой на своем танке. Когда пушка была погнана, он бросался на фашистов, расстреливая их из пулемета, дава их гусеницами.

СМЕЛОЕ СЕРДЦЕ

(Письмо из Действующей армии)

Он был простой, советский парень, Василий Лунышев, комсомолец. Немного застенчивый, тихий. Он вконец, как девятилет, когда первый раз попросился у своего командира в разведку.

Его не хотели брать. Он казался несемелым, медлительным, нерешительным. А ведь известно; разведчик должен быть самым отважным, самым ловким, отгамым парнем. Нет, он не годился в разведчики. И ему отказали.

— У меня хорошее зрение, острый слух...

Я полагаю, как ишерид.

— Но ты, Вася, иванни, немомго миспокуват... говорили ему товарищи.

— Это так кажется, я лжювич.

И те, кто его знал давно, подтвердили:

— Боевой парень.

— Вы не боитесь смерти? — спросил однажды Лунышева командир.

— Нет... ответил Василий в просто общепринятой — Я комсомолец...

Командир разрешил взять его в разведку.

Став Василий Лунышев разведчиком. Бойцы, ходившие с Лунышным в тыл врага, рассказывали, что никто лучше Васи не умел разгадывать замаскированных фашистский пулемет, дзукку, биндаж. Ни один шорох не ускользал от его слуха. Ходил и повзвал Лунышев несильно, точно и не касался земли. Правда, докладывал командир о результатах разведки, он попоржнимо краснел, зависал от смущения, и гимнастерка пухлярилась у него из-под ремня. Случалось, командир сам попарился Васе гимнастерку и, обшавши, ласково говорил:

— Ничего, наружность бывает общепринятой...

Однажды Василий Лунышев был в разведке в глубоком тылу противника. Он отгадывал от снака и полах в окружение. Как волки, напали фашисты на одинокого разведчика. Они хотели взять его живьем.

— Славный, славный! — злобно кричали фашисты на ломаном русском языке.

«Нет... — дунал Василий Лунышев, — комсомольцы в плен не сдаются».

С четырех сторон окружали его враги. И в четыре стороны метко била его винтовка.

Он понимал, что из окружения ему не выйти. Но он видел перед собой мать, товарищей, вклад родной деревни и знал, что ему надо делать. «Дорого же достанется вам, сволочи, мои комсомольская жизнь!» — шептал он, расстреливая в упор фашистов.

Он был ранен и продолжал бороться. Его острое, потемневшее от гнева глаза заметила станковой пулемет. Пулемета суетилась, аствала ленту. У Василия Лунышева кончилась патроны. Истекая кровью, он штыком прошил себе дорогу к пулемету и перестрелял как горелась потемневший унитокопак гранатов везд пулеметный фашистский расчет.

Слава храбрее — комсомольцу Василию Лунышеву! Имя его никогда не забудет родина. Песней она просянлет его иванки.

Старший политрук
В. С. МИРНОЙ

МОЛОДЫЕ ХОЗЯЕВА

Совсем недавно колхозный почтальон принес Анастасию Поликарповне письмо.

— Весточка с фронта! Поликарпона, получи! Да не забудь ребят оповестить о письме, — называла писемловоест.

Поликарпона прочла дорожное сыновнее письмо, потом бегом накинула теплую шаль и прибежала к нам:

— Натяка, милень! Тут и про вас сказано. Пишет Витя: «Как живут? Девичка, мамма, как они с делами управляют, нем занятны? Мы с них спросим, как вернется, так и передай... Да пошерудь их всех пошерудь».

Письмо Виктора переходило из рук в руки, и долго о нем говорили в деревне. И любил на нас поучствовать тогда, что красноармеец Виктор прав. Так мы ему и написали.

Нас было двадцать комсомольцев. Двадцать парней и девчат. Все мы любим колхоз, свою землю и — без хвастовства можно сказать — гальвовались уважением в селе. Дарни ушли на фронт, девушки остались в деревне.

Не скрою: каждая из вас в ту же хотега идти весте с парнями в Красную Армию зашпашать родную землю. Мы тогда всю не представляли, что мы, девушки, сможем пелать на фронте; но желание идти на войну одолело всех. Подружки собирались в избы и стоговарились, куда идти записываться; говорили, что сначала надо ехать в райкомкомат. Но тут некоторых вышло сомнение. А Иван Алексеевич? Как же он один остается? Председатель колхоза — и без комсомольцев. Слыхивное ли это дело? Решили так: сначала надо убрать урожай, поехать все колхозные дела, а тогда... тогда видно будет. Десять дней — вот срок, в который колхоз должен был уложиться — убрать колхозный урожай. Ни одно зерно не должно остаться в поле.

Немало поработали тогда наши комсомольцы, чтобы вовремя убрать урожай. Звено комсомольки Мария Патрикеевой одно из первых кончило задание.

А Шура Дугина! Она выкапывала картошку больше всех и быстрее всех. Не все сначала успевали за ней. А потом и у остальных дело на лад пошло.

Помню, на одном из колхозных собраний председатель сказал:

— Мы тоже поможем фронту. И у нас есть свои стехановцы.

Кто-то из присутствующих заметил:

— Вот если бы на производстве работать, откуда прямо на фронт продукция поставлялась, тогда и гордиться не грех. А тут...

Иван Алексеевич перебил:

— Надо, чтоб армия сыта была, товарищи. Вот Шура Дугина вместо пятнадцати колхозок картошки собрала двадцать. Разве это плохо? Это и есть наша колхозная помощь фронту.

Много говорили тогда по этому вопросу. И в конце разговора всем стало ясно: и хлеб, и картошка, и овощи — все нужно для победы над врагом. Чем больше будет в стране продуктов, тем она будет сильнее, тем скорее одолеет проклятых фашистов.

Осенью, зимой не было дня, чтоб наши комсомольцы сидели без дела. Выдавались свободные минутки — шли по избым с газетами и журналами, рассказывали про храбрых бойцов отечественной войны, про грязное и иншное немецкое воиство, которое топчет нашу свободу земли.

За дни войны многие комсомолки сами стали агитаторами. Никто нигде не утверждал их, никто из них не называл себя агитатором. Они просто заходили в избы колхозников, читали свежую газету, рассказывали о новостях с фронта.

Не успели мы оглянуться, как подошло время готовиться к севу.

— Собирайте комсомольцев, молодежь: поудайте, с чего начинать, потом вместе действовать будем, — предложил нам председатель колхоза.

В середине декабря на повестке дня комсомольского собрания стоял один вопрос — весна. Каждый вносил свои предложения. По советовавшись, прикинули, с чего начать. Заруба была одна — землю-матушку всем обеспечить.

Каждый из комсомольцев получил задание. В колхозе не было кузница. В соседних деревнях рыскались умелого человека, а помощником назначили своего парня — Ивана Дугина. Теперь ремонт закончен полностью — плуги, бороны, полки готовы к выезду в поле.

Ковь к посевной! Восемнадцатый лошадей а конюшне. Все они средней упитанности, и ни одна из них не поведет нас весной. Указывает за ними дядя Яша Хомов — опытный конюх. Если у него что не ладится, всегда приходит к нам за советом. Не так давно он, например, помогал помочь ему составить комыловые ооры.

Нас, комсомольцев, немного в колхозе, но мы стараемся, чтобы всюду был комсомольский глаз.

Вот, например, есть у нас картофелехранилище. Хозяйствует там красноармейка Ели-

завета Дугина. Мы часто заходим к ней, толкуем, как лучше сохранить картошку. Если требуется помощь, Елизавета Михайловна запросто приходит ко мне и говорит:

— Собирай девчат. Дело срочное есть: перебрать картошку надо.

И мы идем.

Часто по ночну комсомольцев а колхозе затаевают новые хозяйственные дела.

Колхозу нужна богатая кормовая база. И комсомолы предложили организовать терку клевера. Сказано — сделано. Лопаты и метла в руки. Привлекли всю молодежь, организовали бригаду и протерли необходимое количество клевера. Другая бригада, тоже молодежная, занималась тиреованием семян.

Насотворец колхоза Московской области пострадали от немецких захватчиков. Как же они всеюга выйдут в поле? Есть ли у них семена? Решили поговорить об этом на комсомольском собрании.

Наша Тополярева сказала:

— Колхоз нам закиточный, каждый поделиться может. Пусть лучше лишний чуток картошки не свариет, а сбережет для пострадавшего колхоза. Я вношу пятьдесят килограммов, а ты, Вара, сколько?

Вара Фролова, не задумываясь, ответвала:

— Сорок.

Дугина сказала:

— Пятьдесят.

На комсомольском собрании мы заявили: комсомолцы имеют 350 килограммов семян картофеля. Надо помочь тем, кого разграбил немец. Колхозники поддержали нас. Они выделили из личных фондов 1070 килограммов картофеля. А колхоз отложил 3 тонны. Получилось около 5 тонн.

Мы обошли все избы и сказали:

— Прежде чем варить картофель, срежьте верхушки с ростком и отглажайте, — при этом указали температуру, при которой необходимо хранить их. — А мы будем приносить каждые пять дней и забирать у вас срезки. Их можно использовать для посадки картофеля.

И что же? Колхозники сердечно откликнулись на наш призыв. Каждый дом дает 30 килограммов картофельных верхушек. Каждый комсомолец теперь знает, в какой день и в какой дом он должен прийти с корзинкой и унести ее доверку полной в кладовую.

Мы решили собрать не менее 3 тонн картофельных верхушек, а ко дню 24-й годовщины Красной Армии мы уже собрали 2 тонны.

Первого апреля мы отравим картофельный ооб в деревню, пострадавшие от захватчиков. Мы придем туда и скажем:

— Нас было двадцать комсомольцев. Тоннаидать ушли защищать нашу землю. С тех, кто остался в деревне, они много спросят. К севу мы уже готовы, но хотим, чтоб и вас, дорогие друзья, весна не застала вресплом.

Ряменский район,
Московская область.

Андрей МАЛЫШКО

ЗАСВИСТАЛИ ПАРТИЗАНЫ

Засвистали партизаны

Ночью у дубровы.

Девушки их снаряжали:

— Будьте все здоровы!

Вот оружье! Возьмите!

Вилейте водичку!

Пушки бьют. Уже в зените

Вспыхнули зарницы.

Стала мать у самой хаты,

Розу поддомнала:

А сестренка — возле брата,

Я — бок о бок с милой.

Мать хлеб с солью подносила,

А сестра — цветочек,

Две рубашки подарила,

Шоколовый платочек.

А касатка улыбугалась:

— Милый, чернйорный!

Немда-палаза бей крепко

И вернись здоровый!

Вмешали партизаны

Позднее порою.

Вышел месяц за горюю,

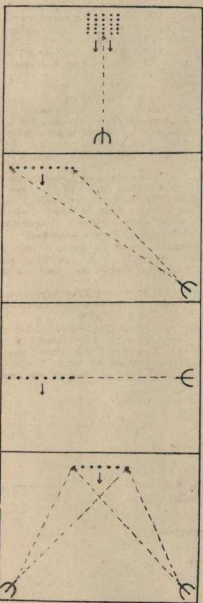
Месяц за горюю.

Перевел с украинского М. ТАЛОВ

Военный СЛОВАРЬ

Фронтальный огонь — огонь, который ведут прямо перед собою и поражают цель под прямым углом. Иначе говоря, направление огня перпендикулярно к линии фронта противника. Фронтальный огонь лучше всего вести по глубокой цели. Скажем, солдаты противника двигаются один за другим в затылок. В этом случае под воздействием одной пули могут попасть несколько человек. Если даже пуля не поразит первого солдата, идущего впереди, то она может поразить второго, третьего и т. д.

Косоприцельный огонь направлен к цели под некоторым углом (но не прямым). Если цель неглубока и растянута в ширину (например группа солдат противника, двигающихся развернутым фронтом в одной шеренге), косоприцельный огонь значительно выгоднее фронтального, так как дает большую поражаемость. Чем острее угол, под которым направлен огонь, тем большее количество вражеских солдат попадет под его воздействие.

СХЕМЫ ТИПИЧНЫХ ВИДОВ ОГНЯ (сверху вниз): фронтальный, косоприцельный, фланговый, перекрестный.

Точками обозначены наступающие подразделения противника, стрелкой — направление его движения. Пунктиром показано направление огня, который ведется станковым пулеметом по наступающему противнику.

Фланговый (или иначе: **продольный**) огонь ведется вдоль цели, например вдоль фронта наступающих подразделений врага (по фланг им). Такой огонь из пулемета весьма губителен. Это основной вид огня, применяемый в обороне. Фланговый огонь способен нанести огромные потери направо, сорвать его наступление и атаку. Весьма эффективен этот огонь и в наступлении боем. Как в обороне, так и в наступлении пулеметы выдвигаются на такие позиции, с которых можно было бы вести фланговый огонь.

Перекрестный огонь. Так называется огонь, когда обстрел цели производится одновременно с двух (и более) различных направлений. Этим достигается большая плотность огня (т. е. увеличивается количество пуль, направленных по данной цели), а следовательно, возрастает и степень поражаемости. Не исключено, что один из пулеметов, стреляющих по определенной цели, может либо не задеть ее, но ведь цель может попасть под пулю второго пулемета, который ведет по ней огонь с другого направления. Представляет собой сочетание различных видов огня (фронтального, флангового и косоприцельного). Перекрестный огонь по справедливости считается самым губительным и опаснейшим. Этот вид огня, точно так же как и фланговый, является основным в обороне.

Книжальный огонь по направлению бывает преимущественно фланговым или косоприцельным. Применяется он главным образом для отражения атаки противника. Пулемет (один или несколько), выделенный для такого вида огня, располагается на скрытой огневой позиции. Огонь открывается внезапно, совершенно неожиданно для противника и притом с коротких дистанций. Отсюда и название этого вида огня. В самом деле, он сильно напоминает действие книжала: неожиданный, сильный, прямой удар с близкого расстояния.

Книжальный огонь обычно применяют в обороне или в засаде. Для него намечаются строго определенные цели, появляющиеся в определенном пункте, рубеже или точке. По другим целям этот пулемет не стреляет, иначе он преждевременно обнаружит себя, и тогда сорвется намеченный план действий. Пример: на одном из направлений перед нашей оборонной линией имеется ложинка, которая служит хорошим скрытым подступом для врага и исходным положением для перехода в атаку. И вот выход из этой ложинки берет под книжальный огонь пулемета (пулеметом). Пулемет устанавливается на тщательно замаскированной позиции. Пулеметчик терпеливо ожидает появления из ложинки врага, затем внезапно расстреливает его в упор. Теперь допустим, что у пулеметчика не хватило выдержки и он до этого открыл огонь по какой-либо цели, появившейся в другом месте. Ясно, что подальше от противника, находящегося в ложинке, обнаружит этот пулемет и примет против него меры прежде, чем выдвинуться из ложинки. Таким образом, пулемет не выполнит поставленной перед ним задачи.

Хорошо проведенный книжальный огонь даже одного пулемета способен нанести врагу тяжелые потери и сорвать атаку.

Пулеметчики книжальным огнем расстреливают врага.

Приложение конника Погоняча

Глубокой ночью конный разведчик Погоняч, посланный командиром взвода для выполнения боевой задачи, пробрался на охрану хутора В. и остановился в саду, под засыпанным снегом изгородью. Луна серебрила тучи. Погоняч в темноте привалился к стволу и дереву и зашел в хату. Он не успел раздеться, чтобы переодеться, как явился в комнату, как вдруг на него набросились немецкие солдаты. Он спавнулся, ударив одного солдата головой в грудь и хотел выбежать на дачу. Но немцы обезоружили его, схватили за руки и подвели к столу, на котором стоял пулемет с горячим кофем.

Вне себя от ярости, разведчик поднял голову и неумолимо спросил стюда и хоты бы не сесудину вырваться из рук немцев, чтобы схватиться вражескую и не даться живым. Но тут случилась нечто неожиданное.

Один из немцев крикнул незнакомое слово, и тотчас же солдаты отступили. Погоняч покачивался, ему и отошли к дверям. Что это могло значить?

Подозрительный, бывший боец-разведчик, осмотрев по сторонам. Оглянувшись назад, он увидел на лавке возле стола свою винтовку и невольно сделал шаг. Неосторожно следя за разведчиком, немцы заметили, как он поспешно на винтовку, перегнувшись, но никто из них не сошел с места. Предусмотрительный Погоняч решил больше не двигаться до удобной минуты, а вызывать подозрения немцев. В любую секунду он мог схватить свою винтовку, но у дверей стояли шесть солдат, в сломанно доурачать, как бы лучше справиться с ними.

В хате воцарилась тишина. Разведчик внимательно смотрел на немцев, а солдаты с интересом разглядывали своего бойца. Прошли две или три минуты. Наскоро ставший из солдат, высокий немец с рыжими усами, молча подошел к столу, налил чашку кофе и зажевавшие гортань Погонячу, пригласив его сесть за стол. Новые подозрения охватили разведчика. «Кто-то измено, — подумал он, — принимая чашку, а сел за стол, подождав-шися к лавке, где лежало его оружие.

Но рыжеусый немец, точно угадавая его мысли, взял винтовку и... передал ее Погонячу. На мгновение охватил конника Погоняча, который никогда не терпелся при любых неожиданностях, остолбенел от удивления. Но самое поразительное произошло в следующую минуту.

Рыжий немец вышел на середину комнаты, опять что-то крикнул, солдаты кинулись к стене, где стояло их оружие, схватили свои винтовки, протянули их Погонячу и подняли руки вверх.

Не помня, что происходит и о чем говорит ему немцы, Погоняч забрал винтовку в охапку и двинулся к двери. Внезапно рыжий немец преградил ему путь. Шлепнул каблуками, он отдал коннику честь и громко воскликнул:

— Добре зольдате! Добре зольдате руст!

— Случай этот произошел не так давно в одной из частей командира Песочина. В пути немцы, как могли, наперобь обещали разведчику, что Гитлер скоро придет, и что поэтому они сдались в плен. В морозной степи над свирепый ветер У Погоняча замерзла рука, и он, невольно дулом, разрядил немецкие винтовки в желел солдатам нести свое оружие.

С винтовками за плечами пришли немецкие солдаты в плен в зинсую часть и выстроились во дворе штаба. На допросе выяснилось, что все шесть солдат работали в оружейных мастерских и давно сговорились перейти в плен.

Солдаты объяснили также странное поведение в хате. Оказывалось они обезоружили бойца, опасаясь, что красноречив боец стрелять и драться до последней капли крови, а они хотели сдаться в плен.

— Случай предоставился, — заявил рыжеусый немец, — как видите, мы им вполне можно воспользовались. Чего возмиз, нам огнем пожелю!

Югозападный фронт.

БОЙЦЫ Смеются над врагом

(По страницам фронтовых газет)

ПЕСОЧНИЦЫ

Два немецких солдата читают приказ своего командования:

«Во время предстоящего движения по обледеневшим русским дорогам приказываю прускать вперед частей отряды из тюлоления, при-

бывшего к нам в ноябре—декаб-ре.»

— Почему же этих стариков пускают вперед? — спрашивает один солдат.

— Все понятно,— отвечает другой,— из них песок выплетает.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Жена.— Почему офицеры, проходя сегодня мимо нашего дома, идут парадным шагом и отдают честь?

Муж.— Ничего удивительного: на балконе сидит наша мартышка Нелли, они принимают ее за Геббельса.

Последний приказ

— Ты не слышал, Фриц, оберлейтенант крикнул какое-то приказание.

— Он приказал долго жить...

«ТАБАЧОК ВРОЗЬ»

В германской армии немецкие солдаты получают по шесть папирос в день, а румынские—только по три. Вот уж, поистине: «Дружба вместе, а табачок врозь».

ОБЪЯВЛЕНИЯ**ОДАЕМ**

в плен в связи с советским наступлением хорошо снабженный пехотный полк. Можно с немецкими офицерами в жалов. или багом выд. Солдаты Словакии.

УТЕРЯН

ореза непопулярности германской армии. Считаю недействительным.

Главное командование германской армии.

**МЕЧТЫ...
МЕЧТЫ...**

— Я, генерал немецкий Краузе,
Мечтал пожить в тепле на Яузе;
Но все побегало! Бо-же мой!
Вернуться б в целости домой!

СВЕТ И ТЕНИ

— Не утаишь тебѣ в секрете,
Что вышло все наоборот:
Шли побеждать на этом свете,
А нас отправили на тот!

ЗИМНИЕ ПЛЯСКИ

Знает наш январь седой
Русскую хуцатку:
Полушубок с плеч долой —
И пошли в присядку.

Ай да пареня — пляшет гоже,
Пляшет лихо...

АРТЕЛЬ

«НАПРАСНЫЙ ТРУД» принимает на работу генералов в отставку.

Справки получать у фон Браульча.

ПРОДАЕМ

железный лом лучших германских марок: «Хейнкель», «Дорнье», «Мессерингити» и прочий мусор. Продажа круглые сутки. Запасы лома не ограничены. Советские эсэички.

Немцы тоже...

Ответственный редактор — М. Г. ОСИПОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Издательство «Правда». Принятые рукописи не возвращаются.

А 08077.

Подписано в печать 10/IV—42 г.

Изд. № 272.

Формат 72 × 110 см. 3 л. в 3-х. в п. л. 98 000.

Зак. 528.

Тиражи 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.